

А. Койфман

МОСКОВСКИЕ БЫЛИ

Александр Койфман

Московские были

ООО "Свиньин и сыновья"

2019

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Койфман А. А.

Московские были / А. А. Койфман — ООО "Свиньин и сыновья",
2019

ISBN 978-5-98502-202-5

«Московские были» – новая книга писателя-прозаика Александра Койфмана, представляющая собой три повести. Их главные герои – провинциалы, перебравшиеся в поисках новой лучшей жизни в Москву. Время, в которое разворачиваются действия трилогии, – период от шестидесятых годов прошлого века и до нашего времени. А. Койфман предлагает читателю погрузиться в легко узнаваемый мир столь недавнего прошлого и познакомиться с порой запутанными, а порой и трагичными сторонами судеб современников.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98502-202-5

© Койфман А. А., 2019
© ООО "Свиньин и сыновья", 2019

Содержание

Время любить – время собирать камни	6
Глава 1. Время любить	6
Глава 2. Время искать	19
Глава 3. Время строить	34
Глава 4. Время удаляться от объятий	47
Глава 5. Время разрывать	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Койфман

Московские были

© Койфман А. А., 2019

© Хананова И. Н., Хананов В. А., оформление, 2019

Время любить – время собирать камни

Глава 1. Время любить

1965–1972 гг.

Путевку в молодежный лагерь я получила вполне заслуженно. Никто из девчат нашего строительного управления не хотел тратить время на работу в комитете комсомола треста. И меня, как одну из самых молодых, выдвинули, по существу заставили. А я тогда не умела сопротивляться, когда уважаемое начальство настаивает. Отнекивалась, что не хочу терять в зарплате из-за сидений в рабочее время на заседаниях. Но меня успокоили, что за эти часы или дни выведут «по средней». Еще раз раскрыла было рот, но доводов не нашла. Так и попала в комитет. Кстати, не так уж там и плохо было. Конечно, сидеть на нудных заседаниях тоже пришлось, но кое-какие плюсы были. Иногда что-то давали из дефицита, на праздники обязательно продуктовые талоны. Да меня еще откомандировали (так прямо и выразился наш секретарь) в райком комсомола. Там бывали интересные встречи, иногда и на природе. Правда, ребята там часто напивались до свинского состояния. А я вообще не люблю пить. До сих пор не люблю. Нет, я не противник выпить бокал, два шампанского или рюмку хорошего вина, но там же водяру глушили ящиками. А потом начинались приставания. Но я быстро научилась одергивать слишком настырных.

Ну да ладно об этом. Когда Володя – секретарь комсомола треста сказал, что имеется путевка в Болгарию, два человека отозвались немедленно. Настойчиво предлагала себя наш оргсектор:

– Я уже пять лет тащу на себе всю работу. Дайте же мне отдохнуть по-человечески.

Секретарь невозмутимо парировал:

– Женя, тебе сколько лет? Я понимаю, ты считаешь себя молоденькой, но в райкоме посмотрят твои документы, где четко написано – двадцать семь лет. Требуются же не старше двадцати одного.

Михаил, ответственный за спортивную работу, тоже неуверенно предложил свою кандидатуру, но секретарь укоризненно заметил:

– Миша, ты по возрасту подходишь, но ведь в первый же день, в крайнем случае во второй, напьешься, начнешь хулиганить, и тебя с треском выгонят. Предлагаю Ольгу. Она у нас молодая, из рабочей семьи, не пьет. Полностью соответствует требованиям райкома.

Действительно, молодежью в комитете, кроме меня и Михаила никого нельзя назвать. Некоторые поворчали, мол, без году неделя в комитете и сразу такое поощрение. Но секретарь предложил голосовать, и потихоньку, под его острым взглядом, все подняли руки. Я тогда не очень понимала, почему он время от времени бросает на меня внимательные взгляды – молодая была, глупая.

Потом пришлось проходить комиссию старых коммунистов в райкоме партии, но там было все нормально. Комсомолка, рабочая, из рабочей семьи, непьющая, хорошие характеристики, и даже съезды знает. Что еще нужно? Затем билеты на самолет, последний инструктаж в ЦК комсомола, валюта, врученная бухгалтером ЦК. Да, в нашем управлении, когда начальство узнало, что я еду в Болгарию, выписали премию в размере месячного оклада. А профорганизатор выдала «материальную помощь». И ворчливо сказала: «Оденься по-человечески, чтоб не стыдно там было».

И вот я, вместе со всей сформированной группой молодежи, ожидаю самолет в аэропорту Внуково. Мы еще боимся знакомиться, каждый сам по себе: кто его знает – вдруг в самый последний момент все перерешат, отберут билеты и оставят на Родине. Но все нормально, несколько часов полета с посадкой в Киеве – и мы в Варне. Оказывается, летом самолеты летают из Москвы не только в Софию, но и в Варну. Перегружаемся в автобус, едем к морю. Ура! К морю. Я никогда не была на море, только мечтала о поездке в Крым или на Кавказ, о поездке в Прибалтику даже не думала: это уже почти за граница. А тут теплое южное море.

Лагерь расположен севернее Варны, прямо у моря. Расселяли в деревянные домики, по четыре девушки. В мой домик, кроме Веры из Горького, поселили невысокую полячку – Анну и длинную светловолосую немку – Гертруду. Мы все четыре практически одного возраста, только Анна постарше. Она сразу сказала, что фамилия у нее Коваловна, но лучше звать ее Анка. Спросила Гертруду, не будет ли та обижаться, если ее звать Герда, больно длинное имя – Гертруда. Нас с Верой называла просто по имени.

Как-то сразу Анка сделалась хозяйкой в домике. Мы не возражали. Она знала и русский, и немецкий, поэтому стала переводчицей в нашей компании. Я знала только английский, а Вера, оказывается, кроме русского других языков не знает. Учила в школе четыре года немецкий, но кроме «здравствуйте» и «спасибо» ничего не помнит. Странно, у нас вроде тоже англичанка была бестолковая, говорила по буквам, как написано в книге, но мы все же чему-то научились. Я, вообще, легко читала и понимала тексты, правда, говорила только чуть лучше нашей англичанки. Но совсем ничего не знать... Это ж надо так учить? Именно из-за ужасного произношения я получила тройку на вступительном экзамене в университете. Потом в рабочем общезитии искала возможность послушать английскую речь: по радио, в кино на сеансах с недублированными фильмами. Три месяца ходила к преподавательнице английского, учиться правильно говорить. Впрочем, что это я вспоминаю совсем не то, что хочется помнить?

Анка уже не первый раз в таком лагере, разъяснила нам лагерные правила, и первые два дня мы ходили по струнке. А потом... Потом я познакомилась с Арманом. Арман Бюжо – француз из Марселя, сын известного во Франции коммуниста. Я на него обратила внимание из-за имени – почти как Инесса Арманд. А вскоре поняла, что он мне нравится. Всегда веселый, непрерывно шутит. Вере Арман тоже понравился, но она быстро поняла, что он на нее не обращает внимания. Мы познакомились на танцах: у нас они были по вечерам через день. Арман пригласил меня на танго, сразу стал что-то говорить по-французски, но, когда увидел, что я его не понимаю, перешел на английский. Он вначале так прижал к себе, что было трудно танцевать, я отстранилась довольно резко и старалась держать его на дистанции. Даже не хотела идти с ним, когда он следом пригласил на вальс. Но он заулыбался, наговорил мне комплиментов, а мне вальс нравится – и я пошла с ним. Он был сильный, легко кружил меня, а потом, когда снова зазвучало танго, я просто разомлела в его руках и мне нравилось, что мы танцуем почти слившись. Он уверенно вел меня, жалко, что я в танго немного сбивалась и не всегда чувствовала, как он хочет вести меня. Но он, смеясь, повторял, что я танцую отлично, и эта очевидная лесть была приятна.

Арман был чуть выше меня, не очень красивый – лицо простоватое, да и нос казался мне слишком длинным. Но глаза были славные: улыбчивые карие глаза.

На следующий день с утра мы купались, загорали. Мне не стыдно было на пляже, так как удалось в Москве купить красивый открытый купальник. И моя грудь выглядела в нем великолепно. Это чувствовалось по взглядам наших парней.

После обеда была экскурсия к пещерному монастырю Аладжа, это недалеко от Золотых Песков, там почти нечего смотреть, но мы с Арманом прошли по двум ярусам пустых залов, послушали эхо в одном из них. Потом долго ждали у нижней лестницы, пока все соберутся. Арман рассказывал о Марселе, о Камарге, прекрасном месте в пятидесяти километрах от Марселя. Они туда ходили с отцом на яхте. Там озера, полные птиц, по берегам озер бродят на

свободе белые лошадки и дикие черные быки. И море, ласковое море. Мне очень захотелось уехать вот так с ним, любоваться птицами, сидеть вечером у костра. Мечты. Вечером мы гуляли около нашего лагеря, целовались. Он научил меня французскому поцелую. Никогда не думала, что такое может быть приятно. Много рассказывал о своей жизни в Марселе. Я удивилась, что у его отца-коммуниста вилла недалеко от города, несколько машин, на которых отец разрешает ему ездить, и небольшая яхта. Не хотелось расставаться, но нужно было идти домой, Анка тревожится, наверное.

Всю ночь ворочалась, сон не шел, а потом днем никак не могла дождаться вечера. После танцев Арман увлек меня на море. Ни он, ни я не захватили купальники, и Арман предложил купаться нагишом.

– Не-е-ет, я не могу.

– Что в этом такого? Мы же не собираемся делать ничего плохого, просто будем купаться.

Действительно, что в этом плохого? Но я заставила его зайти подальше в воду, отвернуться, и только потом разделась, пробежала несколько шагов и нырнула в теплую, спокойную воду. А потом мы плескались, дурачились, постепенно приближаясь друг к другу. Я хорошо плаваю, не зря же выросла на Волге. Легко ускользала, когда он пытался поймать меня. И все же поймал (наверное, я немного поддалась), поднял на руки и стал целовать плечи, грудь, живот. Арман стоял по грудь в воде, я прижалась к нему. В его руках было так спокойно, так уютно. Но он целовал все настойчивей и понес меня на берег.

Боже, кажется, сейчас будет *это*...

Нужно сопротивляться, но не было сил, да и зачем? Мелькнула, правда, мысль о последствиях, но он вытащил из брошенных на песок брюк презерватив, сказал: «Не беспокойся», и я перестала думать, о чем бы то ни было.

Мы лежали потом рядом на теплом песке, он гладил меня по животу, по плечам, а мне было спокойно.

Я не сделала ничего плохого, ведь он нравится мне, и я ему нравлюсь.

Вот так лежала бы долго, долго. И не казалось стыдным быть рядом с мужчиной совсем голый.

Это ведь мой мужчина! Вот он рядом со мной, я желанна ему.

На следующий вечер мы снова убежали на море, немного подальше от всех, к ближним скалам. Снова купались голышом. Арман хоть и живет около моря, но плавает посредственно, он пытается ловить меня, когда я уйду от него под водой и возвращаюсь кругами, не всплывая на поверхность. Придумали забаву: Арман, стоя по грудь в воде, делает из рук под водой кольцо, а я проскальзываю через него. Иногда он делает вид, что не смог поймать, а иногда ловит в такой момент и начинает опять целовать...

Даже сейчас, через сорок пять лет, я смутно помню наши вечера на море, хотя и пытаюсь прогнать эти воспоминания. Это были две недели счастья. Анка махнула на меня рукой. Оказывается, ей, как самой старшей из нас, поручили присматривать, чтобы мы не наделали глупостей. Она смотрела на мое сияющее лицо, когда я поздно возвращалась в наш домик, ворчала, что нельзя же каждый день нарушать порядок, но не выдавала мои частые отлучки. Качала головой, но не ругала. И я ей была благодарна. Только однажды она спросила:

– Это у тебя впервые?

– Что впервые?

– Ты впервые влюбилась?

Не могла ответить что-то определенное. Не знала, что это. Любовь? Но я ведь ничего не знаю про любовь. В книжках все описывается совсем не так. Не знаю, что это со мной? Но мне хорошо. И это как награда за последние два года. За позор провала на экзаменах в университет, за два года тяжелой, всегда грязной работы, беспросветной скуки вечеров в общежитии. Ведь я чуралась женских выпивок, вечных рассказов, как спали с мужчинами и какие они скоты.

Да, как и всякая девчонка, в юности мечтала о любви. Нет, не о принце на белом коне – я реалистка. Откуда в нашем заштатном Зеленодольске взяться принцу? В моих мечтах это был инженер, любящий меня – молодую писательницу – и двоих наших детей: мальчика и девочку. Мы живем в уютной двухкомнатной квартире, в Москве или Ленинграде. В школе мечтала, что обязательно буду известной журналисткой или писательницей. Даже видела в мечтах свою первую книжку, вернее ее обложку палевого цвета. Только название никак не могла разобрать.

Я немного сторонилась всех в классе, особенно в старших классах. То, что по секрету рассказывали девчонки, казалось глупостями. А мальчишки что-то изображали из себя, пытались показать, что они уже почти взрослые, курили, матерились, не стесняясь даже нашего присутствия. Ко мне, почти отличнице, относились в классе настороженно: как же, на свидания не ходит, ни с кем не дружит. Воображала и заносчивая. Я не была заносчивой, просто не интересно было с ними общаться. Лучше читать книги, представлять себя в этих дальних странах, в эти давние времена.

Среди взрослых тоже не было кого-нибудь, о ком я могла бы мечтать, хотя бы воображать, что влюбилась. В кого влюбляться? Преподавателей мужчин у нас в школе было двое. Учитель по труду, или мастер, как он себя называл. Низенький пенсионного возраста, всегда в линялом, когда-то синем халате, вечно немного поддатый, совсем чуть-чуть. А второй – физрук. Этот всегда на уроках физкультуры или просто в коридоре нахально оглядывал нас, девчонок девятого-десятого класса. И всегда глаз был на попке или бюсте. Среди друзей отчима тоже не было ни одного симпатичного мужчины. Одни алкаши, алики, как называла их мама.

Анка ждет ответа. Но как ей сказать, что все это время мне некого было любить. Чтобы полюбить кого-то, хотя бы тайком, хотя бы так, чтобы он не подозревал об этом, нужно видеть кого-то реального: нравящегося учителя, красивого неглупого мальчика, мужчину, работающего рядом с тобой, приятеля отца, в конце концов. Ничего этого в моей жизни не было. Не было о ком мечтать, оставались только две мечты – университет и первая книга. Но в Москве начала трезво понимать, что мне не удастся учиться на дневном отделении. На такую стипендию не прожить. А из дома не ждала ни рубля. Собственно, даже писать не писала ничего домой. Только раз написала, что жива, работаю в Москве. Но адрес не дала. И пошла работать в строительное управление по лимиту.

На работе тоже не в кого было влюбляться. В бригаде одни женщины. Не все, совсем не все по лимиту. Есть москвички, и их не менее половины. Они самые опытные и зарабатывают больше всех. Да, в управлении несколько бригад каменщиков, есть механизаторы. Там почти сплошь мужчины. Но что это за мужчины? Солидные отцы семейств или пьянчужки-молодежь. Конечно, ко мне приставали, пытались пригласить на свидание молодые парни из соседнего общежития. Но они мне не нравились.

Ответила Анке, что не знаю, влюбилась ли, но это так хорошо, так не похоже на жизнь в Москве. И сразу же перевела разговор на лагерь, на чудесный лагерь. В лагере действительно было хорошо: поездки в горы, в старую столицу – Велико-Тырново, а потом на Шипку. Поездка тяжелая, больше трех часов на автобусе в одну сторону, но интересно было смотреть, где стояли, а иногда и замерзали на посту русские солдаты. Запомнился поход на постановку софийского театра имени Ивана Вазова, приехавшего в Варну на гастроли. Правда, в театре я плохо понимала болгарскую речь, только некоторые слова, но ставили «Вишневый сад», а я эту пьесу знаю чуть ли не наизусть.

К сожалению, две недели пролетели быстро. Мы последний раз вместе с Арманом на берегу у скал. Он обещает писать, надеется приехать в Москву. Я ему верю, хочу верить. Прощаемся, и на следующее утро снова автобус, самолет, и я в Москве. Приехала в общежитие в рабочее время, девочки все на работе. Уткнулась в подушку и проревела минут пятнадцать – двадцать. А ведь перед этим держалась.

Потом вымыла лицо и полезла в чемоданчик, лежащий под кроватью. Вытащила заветную рукопись. Ну не рукопись, всего лишь тридцать вырванных из общих тетрадок листков, исписанных с двух сторон ровным почерком отличницы. Писала в девятом классе, прочитав «Алые паруса», а потом еще и еще рассказы и повести Александра Грина, стихи Волошина. Грезила синим морем, скалами, о которые разбиваются волны, крымскими виноградниками, сухими степями с высящимися там и тут курганами. Артур Грей и Ассоль, их любовь, алые паруса, уплывающие в синеву моря. Все смешалось в голове пятнадцатилетней девушки.

И я начала тогда писать свою «Повесть любви». Конечно, все происходило в Коктебеле. Откуда мне было знать, что это отнюдь не райский уголок. Моя героиня, только что окончившая гимназию, встречает здесь офицера, моряка дальнего плавания. Они гуляют по набережной, которой там и в помине нет (откуда она в деревне с семьюдесятью жителями?), вместе посещают Максимилиана Волошина и Марию Степановну Заболоцкую в их уютном доме. Едут на бричке в Феодосию смотреть картины Айвазовского. Моряк уходит в кругосветное плавание, а героиня стойко ждет его три года, отвергая многочисленных поклонников. И вот ее герой, ее мечта возвращается из плавания, повышенный в очередной чин, и на набережной делает ей предложение руки и сердца. А потом... потом я не знала, что писать дальше, и остановилась. Рукопись не показывала никому.

Как это не похоже на то, что испытала я. Хотела порвать и выбросить эти тридцать страничек, но стало жалко. Не ясно, правда, чего. То ли себя, сидящую на кровати в одиночестве, то ли ту мечтательную девочку в девятом классе, то ли свою мечту. Засунула рукопись в чемодан и запихнула его подальше под кровать. А тут и девушки пришли с работы. И начались расспросы:

– Как там? Какие парни? Встречалась ли с кем-то?

Но Анка предупредила, что дома ничего рассказывать нельзя. Поэтому с удовольствием рассказывала об экскурсиях, о море, о «воспитательной работе», но ни слова об Армане. Это должно остаться только моим. С нетерпением жду от него письмо. И письмо пришло. На очень приличном английском Арман пишет, как ему не хватает меня, наших встреч. Вспоминает, как мы проводили время и что делали. Мне даже немного стыдно читать. Но письмо я сохранила. Единственное письмо, оно даже сейчас у меня в том стареньком чемоданчике, все забываю выбросить. Сразу же ответила, подождала две недели и написала еще одно. Но больше писем от Армана не было.

И все равно я на него обиды не держала. Может быть, отец перехватывал мои письма, может быть, Арман уехал в Париж, ведь собирался поступать в колледж. Не знаю. Мне казалось, что никогда не забуду эти счастливые недели.

Неприятная история произошла с Володей – нашим комсомольским секретарем. Через несколько дней после моего возвращения он пригласил меня в кафе, мол, расскажи, как отдохнула. Мы посидели минут двадцать, я успела рассказать то, что можно было рассказывать, но вижу, он не слушает. Потом пригласил к себе. Я встревожилась, но виду не подала. Улыбаясь, сказала, что должна встретиться с подружкой, назвала Лену, которая когда-то подсказала мне, как можно остаться в Москве, хотя давно уже с ней не встречалась: она и работала на другом объекте, и жила в другом общежитии. Володя нахмурился и начал довольно резко выговаривать мне, что так не делают, что долг платежом красен. Я молчала, но не хотела с ним идти, это было бы предательством по отношению к Арману. Мы разошлись в разные стороны, и он остался в большой обиде на меня.

Лена, я вспомнила ее. Мысли перенеслись в 1967 год, когда я очень самоуверенно пыталась поступить на факультет журналистики Московского университета. Ведь в школе учительница литературы говорила, что у меня талант, я пишу прекрасные заметки в стенгазету. По литературе была всегда самой лучшей. Да и по всем гуманитарным предметам. Конечно, по физике и математике в четвертях были только четверки, я не понимала тогда, что мне их

немного натягивают. Но по всем остальным предметам были всегда только уверенные пятерки. Классный руководитель – наша Виктория Львовна, пыталась вытащить меня на серебряную медаль, но у нее ничего не получилось.

И это было потрясением, когда мне по английскому поставили на приемном экзамене тройку. Отчетливо помню, как вышла, ничего не соображая, из помещения, где сдавала английский. Все было, как в тумане. Возвращаться в Зеленодольск, на улицу Серова, 87? Ни за что. Лучше смерть, лучше броситься под поезд метро. Но ко мне подошла Лена – абитуриентка, с которой мы познакомились совсем недавно в столовой, посмотрела на меня.

– Завалила?

– Да, Лена, тройка.

– И у меня. Придется опять идти на стройку. Я уже третий раз заваливаю экзамены. Наверное, пойду в следующий раз сдавать в другой вуз.

– А что? Разве можно пойти на стройку? У тебя ведь тоже нет московской прописки.

– Нет конечно. Но на стройку берут. Кто-то же должен здесь работать. У строителей есть лимит.

– А кого берут? Нужно иметь профессию?

– Нет, они берут практически всех. Главное, чтобы был молодым и здоровым. А профессии научат быстро. Девушек берут штукатурами или малярами. Учат за месяц. Вернее, учат прямо в бригаде, чего там хитрого?

– А как с жильем?

– Дают общежитие. Если есть лимит – есть и общежитие. Вернее, наоборот.

– Ты покажешь, куда нужно обращаться?

– Нет проблем. Давай завтра с утра. А сейчас с горя пойду выпить пивка. Немного выпьешь, и станет легче. Пойдешь со мной?

Так я и стала представительницей гордой московской строительной гвардии.

Еще два года я проработала в бригаде маляров. Правда, в комитет комсомола треста и в райком комсомола меня больше не выбрали. И, наверное, работала бы много лет, но одна встреча в конце лета 1971 года изменила многое. Однажды к нам пришел архитектор, надзирающий за выполнением своего проекта. Мы занимались отделкой нового кинотеатра и как раз заканчивали красить в фойе одну стену. Архитектор остался недоволен цветом, а я тут же выпалила:

– Красим тем, что дают. Ваши претензии – к снабженцам.

Он все же добился замены краски, пришлось на другой день перекрашивать законченную стену. Женщины подняли крик, но бригадир успокоил, что договорится с начальством, и нам зачтут обе работы.

Еще через два дня архитектор пришел специально, хотя вроде дел к малярам у него не было. Пришел к обеденному перерыву, когда мы расселись в углу комнаты, развернули принесенную еду. Женщины не хотели идти в столовую: далеко, да и переодеваться долго, не пойдешь же пачкать людей своей замаранной одеждой. Он встал около меня, начал какой-то путанный разговор о целостности восприятия всего проекта, о важности цветовой гаммы. В общем, нес какую-то муру. А я растерялась, есть стало неудобно, ничего не слышу, мысли крутятся совсем о другом. Для чего он пришел? Я в этой грязной спецовке выгляжу ужасно. Молчу и, наверное, выгляжу дура душой.

Зато женщины воспользовались моментом и начали на повышенных тонах высказывать свои претензии: стены высокие, а начальство не учитывает это, расценки, как за обычные комнаты высотой в три метра; краски очень густые, и их нужно долго размешивать, а моторчик у прибора, которым их мешают, сдох, теперь все приходится делать вручную. Архитектор даже растерялся, начал оправдываться, что он этими вопросами не занимается. Тогда наша бойкая Настя в упор спросила:

– Так чего ты тогда сюда приперся? Ольга понравилась? Мы тебе ее так просто не отдадим.

И расхохоталась, за ней вся бригада, оторвавшаяся на время от обеда. Тут он совсем растерялся, не знал, что сказать. Я возмутилась:

– Что ты влезаешь не в свои дела? Может быть, мы уже давно знакомы.

Взяла его за рукав, отвела в сторону:

– Действительно, зачем вы пришли? Развлечься или чтобы над вами посмеялись? Как вас зовут?

– Иван. Я хотел увидеть вас. Извините, если помешал. Теперь они будут смеяться?

– Да ладно вам, Иван. Смешное имя, теперь редко кого называют Иваном. Не боюсь я их смешков. Это они просто завидуют.

– Чему?

– Долго объяснять. Увидели меня? Хорошо. А мне сейчас нужно пообедать и за работу.

– А после работы? Можно вас встретить?

– Вам что, делать нечего?

Я уже вовсю лукавила. Мне до смерти хотелось, чтобы он встретил меня после работы у всех на виду.

Такой симпатичный, молодой, высокий, архитектор. И глаза, глаза такие ласковые. Все девицы от зависти лопнут.

– Ну поговорить спокойно.

– О чем? Ладно, мы кончаем работу в шесть.

– Спасибо.

Время тянулось ужасно медленно. Девчонки посматривали иногда на меня. Пару раз пытались разговорить, но я молчала. А в голове уже радужные картинки: красивый жених, я в подвенечном платье, цветы, музыка (я один раз была на процедуре заключения брака). Впрочем, постаралась все выбросить из головы.

Глупости все это. Он даже не придет, одни слова только. Я так грубо говорила ему.

Но когда переоделась и почти первой выскочила из строящегося кинотеатра, он был около нижней ступеньки. Я даже остановилась на мгновение, когда увидела его.

Чего он во мне нашел? Как я одета? Что мы будем делать? Видят ли девчонки?

Девчонки видели, много судачили, приставали потом ко мне, я отмалчивалась. Но это было потом. А сейчас независимо спустилась по ступенькам:

– Пришел? И что мы будем делать?

– Может быть, пойдем в кино? Или просто погуляем?

– В кино не хочется. Но погода прекрасная.

Действительно, это было время бабьего лета. Тепло, листья пожелтели, но еще не опали, недалеко был Измайловский парк, в котором я и раньше любила гулять. И мы пошли в парк.

Это была первая из наших совместных прогулок. Он рассказывал о себе, о своем детстве в Калинине, в доме для детей эмигрантов из Испании. Он родился не в Испании, а в России, но мать умерла при родах, отец периодически работал где-то за границей. Школа, потом Московский архитектурный институт. И вот работает теперь в Москве. Кстати, настоящее имя Хуан, но с детства все зовут Иваном. Так решили когда-то воспитатели, чтобы дети не дразнили. Наверно, они были правы. Отец то ли погиб, то ли умер где-то на Западе. Ему толком так и не объяснили и посоветовали не задавать ненужных вопросов. Фамилия Мартинес. Он даже произнес свое испанское имя полностью, то есть два имени и две фамилии, но я запомнила только Хуан Мартинес. Рассказывал много, но умолчал, что у него семья: жена и двухлетний ребенок. Я узнала об этом почти через два месяца, когда уже не было сил расстаться с ним.

Мы встречались по субботам еще три раза, гуляли по осенней Москве, я даже перестала стесняться, тоже что-то рассказывала, но, конечно, не о своей семье, больше о том, что читала,

делилась моими мечтами стать журналисткой или писательницей. Честно говоря, я не представляла себе, что значит быть писательницей, о чем писать. Но очень надеялась, что поступлю в университет, окончу его, и вот тогда начнется настоящая жизнь. А Хуан (буду так называть его, мне так больше нравится) поддакивал, что действительно я еще молодая, у меня вся жизнь впереди. Я тогда не понимала, что писать – это выражать свою позицию, перерабатывать свои впечатления от жизни. А какие могут быть впечатления, если сидишь на одном месте? Если весь опыт – это книги, только книги, которые прочитала.

Но стоял уже октябрь, стало холодно гулять, и Хуан предложил поехать на дачу к знакомому архитектору. Почему не поехать? В субботу вечером выехали с Ярославского вокзала. До платформы «55 километр» (сейчас это платформа «Радонеж») электричка доезжает практически за час. Даже не успели соскучиться, было уже темно, накрапывал мелкий дождь. Перебежали по деревянным мосткам на другую сторону железной дороги и сразу же попали в большой дачный поселок. Хуан объяснял в электричке, что землю под дачи давали после войны, землю давали щедро: от тридцати соток до двух гектаров. В зависимости от заслуг. Землю получил отец нынешнего хозяина – заслуженный генерал, командовавший на Урале строительством танков во время войны. Он построил приличную дачу, благоустроил землю, но его сын – архитектор с трудом поддерживает порядок на даче, а за землей даже не следит.

Хозяин, Петр Аркадьевич, оказался солидным мужчиной среднего роста с живыми серыми глазами. Когда присмотрелась, оказалось, что солидность ему придает только окладистая борода. На самом деле он был не старше сорока лет. Петр Аркадьевич не женат, а на даче всем хозяйством заправляет его тридцатилетняя подруга Зоя. Она так и представилась – Зоя, хотя хозяйина в нашем присутствии всегда называла полностью, по имени и отчеству. Наверное, это была у них такая игра, так как по тому, как она давала ему поручения, я быстро поняла, что он находится у нее практически под каблуком. Хуан передал ей захваченную из Москвы бутылку «Столичной».

Кроме нас на дачу приехала еще одна пара – журналист Виктор Борисович с подругой Ниной. Виктор Борисович печатался в солидном литературном журнале и «подрабатывал», как он говорил, на телевидении. Впрочем, об этом он говорил с кривой усмешкой – по-моему, даже стеснялся. Нина – черноглазая брюнетка, совсем даже не худая, несколько ниже меня. Поразило, как она уверенно разговаривает с мужчинами, называя каждого только по имени. Мне сначала показалось, что они женаты с Виктором Борисовичем, но быстро поняла, что это не так.

Зоя хлопотала по хозяйству, расставляя на столе посуду, рюмки и нарезая на кухне гигантскую миску салата. Мужчины сразу начали обсуждать какие-то политические события, а мы с Ниной оказались как бы не у дел. Вернее, мы сразу же предложили Зое свои услуги, но она прогнала нас в «зал». Так она называла большую комнату с разожженным камином, где за столом сидели мужчины. Она предполагала, что мы будем их развлекать или хотя бы отвлекать от яростных споров, но мужчины не обращали на нас внимания. Тогда мы устроились на медвежьей шкуре в уголке и завели свой разговор. Вернее, разговор начала Нина:

– Ты давно с Иваном?

– Нет, мы встречаемся только два месяца.

– А с женой его знакома?

Я чуть не поперхнулась.

Женат? И ни разу даже не заикнулся об этом? Как теперь вести себя с ним? Что я здесь делаю?

Нина сразу заметила, как изменилось у меня лицо:

– Что, ты не знаешь, что он женат? Мужики всегда умалчивают об этой пикантной детали их жизни. Да ладно, пусть думают, что мы такие дуры.

Совершенно не хотелось продолжать этот разговор, вообще не хотелось разговаривать. Хотелось встать и уйти. Уйти, даже не поговорив с Хуаном.

Но куда я иду? Ходят ли сейчас электрички?

А Нина сразу же перешла совсем на другое. Пожаловалась, что Виктор слишком редко имеет возможность «вывезти» ее к друзьям: жена контролирует каждый шаг.

– Да и с работой не спешит помочь. Надеюсь, что он поможет мне перейти в приличный журнал или на телевидение. Я ведь окончила журфак университета, а сейчас торчу в задрипанном сельскохозяйственном журнальчике. Зарплата грошовая, командировки черт знает в какую глухомань. С тоски там можно спиться.

Я молчала. Нина продолжала бы болтать, но в этот момент Зоя приказала мужчинам прекратить дурацкие политические разговоры, и пригласила нас с Ниной к столу.

За столом Петр Аркадьевич уже разливал водку по маленьким стаканчикам, слава богу, что не по граненым. Не хотелось выделяться, пришлось тоже поднять свой стаканчик. Петр Аркадьевич провозгласил:

– Ну, за встречу!

Все выпили и потянулись к тарелке с маленькими маринованными огурчиками.

– Моя хозяйка готовила, – похвастался хозяин.

Я не смогла выпить все, водка жгла горло и весь рот. Я обычно пила вино, да и то редко. Сидящий слева Виктор Борисович участливо спросил:

– Не пошла или непривычно?

– Да не пью я ее!

– Что же ты не сказала, – вмешалась Зоя, – сейчас я тебе принесу вино.

Она пошла на кухню и принесла мне начатую бутылку «Вазисубани». Мужчины между тем возобновили спор. Спорили о Федерации Арабских Республик, что это будет означать для Союза, Египта и Израиля. Хуан считал, что это первый шаг к объединению арабских стран, предвещающий разгром Израиля, Петр Аркадьевич возмущался:

– Не смогут они долго продержаться вместе. Интересы разные. Саудовская Аравия никогда не присоединится к этим паршивым «псевдосоциалистам». И Израилю они не страшны.

Виктор Борисович попеременно вставлял едкие замечания то одному, то другому. Все одновременно ели и непрерывно спорили, выстраивая все новые аргументы. Зоя два раза пыталась прекратить спор, но это было бесполезно, махнула на них рукой и обратилась ко мне:

– Тебе, Оля, наверное, это совсем неинтересно. Иван немного рассказывал о тебе. Зря ты пытаешься идти на журфак, потом вся жизнь будет дерганная. Посмотри на Ниночку – никак не может найти свое место. А ведь окончила журфак с отличием. Дипломная работа была великолепная. И что теперь? Писать об удоях, о племенных быках? Ладно бы о «племенных» мужиках. А в приличный журнал без волосатой руки не устроиться, будь ты хоть Хелен Томас из United Press International.

– Нет, интересно, только я не пойму, почему это объединение так ужасно для Израиля?

– Опять воевать будут, не сейчас, так через пару лет.

Зоя как в воду смотрела. Теперь я понимаю, что это был естественный вывод любого интересующегося событиями на Ближнем Востоке, но меня-то это совсем не интересовало. И боялась я разговора о Хуане, поэтому сразу перевела разговор на нейтральную тему:

– Зоя, как у вас все здесь красиво, уютно. Разве это дача? Это прекрасный дом.

– Да, покойный отец Петра Аркадьевича последние годы никуда не выезжал отсюда. Так здесь и умер, сидя в кабинете. Все правил свои воспоминания о войне.

– И написал, напечатали?

– Практически написал, успел, мы обращались в редакцию. Главред хвалил, говорил, что книга интересная, но точка зрения автора и его выводы слишком отличаются от принятых в

настоящее время, да и о роли Леонида Ильича ничего не сказано. Посоветовал подождать. Глядишь, что-то изменится.

– Понятно.

Мы с Зоей и Ниной практически поели, и Зоя предложила:

– Пойдем, я тебе покажу второй этаж.

Мужчины уже приняли по третьей, продолжили свой бесконечный спор, правда, теперь о Китае, а мы с Зоей отправились наверх. Нина с нами не пошла, она здесь далеко не в первый раз. Зоя показала спальню для нас с Хуаном.

Даже не спросила, в каких мы отношениях.

Потом повела в библиотеку. Я много читала в школьные годы, прочитала все, что было в городской библиотеке. Но здесь были потрясающие книги, о которых я и мечтать не могла в нашем Зеленодольске. А в Москве только изредка удавалось сходить в Ленинку. У меня глаза разбежались: у двух стен стоят стеллажи до потолка, заполненные книгами. Не только по военной тематике и архитектуре. Сотни книг французских и американских авторов, целая полка поэзии конца прошлого и начала этого века. На мгновение даже забыла о своем несчастье, бросилась было к полкам, но Зоя, смеясь, меня остановила.

– Не спеши, приезжай, читай, что захочешь. Могу и домой дать. Завтра выберешь себе что-нибудь.

Она показала остальные помещения второго этажа, и мы спустились вниз. Спор уже угас, мужчины вышли на крытую веранду, расселись по креслам и курили. Дождь кончился, но было очень свежо. На небе ни огонька, и вокруг тоже темнота. Веранда выходит во двор, переходящий где-то там, вдали, в лес, поэтому соседние дачи совсем не видны. Впечатление, что наша дача единственная в этом лесу. Я сказала что-то в этом роде. Но Зоя рассмеялась:

– Аркадию Моисеевичу выделили тогда полтора гектара под дачу. Часть леса на территории он вырубил, посадил вишни и яблони, но вишни вымерзли, яблони засохли; сейчас опять все заросло, так что забор совсем не виден. Вот и кажется, что двор бесконечный. А соседи, наверное, уже спят, поэтому и слева, и справа темно. Наверное, и нам пора отдыхать. Найдешь вашу комнату?

Чего тут не найти?

Хуан зашел в комнату почти сразу после меня. Эта ночь должна была быть для нас с Хуаном первой. Я с надеждой и немного со страхом ждала ее. А теперь, как вести себя теперь?

– Хуан, ты забыл сказать, что женат?

Он переменялся в лице, помолчал, но ответил твердо:

– Прости. Я не хотел говорить об этом вообще. И сейчас не хочу. Ведь мы любим друг друга, по крайней мере я люблю тебя. И моя жена, да и ребенок, не имеют отношения к нашей любви.

И ребенок!

А он продолжал:

– Не знаю, что будет дальше, но встреча с тобой – это самое важное, что произошло со мной за последнее время. Я не хочу терять тебя.

Он продолжал говорить, но я не хотела слышать ничего. Выключила свет, молча разделась и легла в постель, отвернувшись от Хуана. Слава Богу, он даже не пытался дотронуться до меня. Я никак не могла уснуть, лежала без движений.

Что теперь делать?

Представила себе жизнь без Хуана, без ожиданий наших встреч, наших прогулок по Москве, наших бесед.

Я тоже не хочу терять его! Не хочу остаться опять одной-одинешенькой в этой суматошной Москве. А он спокойно спит?

Но оказалось, что тоже не спит: рука робко дотронулась до моего плеча. И я неожиданно для себя повернулась к нему, уткнулась лицом в его плечо и разревелась. Хуан гладил меня по плечу, что-то говорил, но я ничего не соображала, только хотелось прижаться к нему, будто так можно было не потерять его. А потом он покрыл поцелуями мое лицо, и я ответила ему. Забыла обо всем на свете, только бы быть с ним.

Уснула у него на руке, и он только ночью выдернул руку. А утром я, наоборот, долго лежала, обняв его за плечи и дожидаясь, когда он проснется.

Вот так просыпаться бы всегда рядом с любимым.

На следующий день была прекрасная погода. Сразу же после завтрака мы с Хуаном, Ниной и Виктором Борисовичем отправились гулять. Мимо дач, к пригорку, поросшему настоящим лесом, и дальше, дальше. Дошли до родника. Оказывается, Виктор Борисович вел нас именно к нему, рассказывая по дороге, что вода из этого родника славится, считается чуть ли не целебной. А некоторые говорят о ней даже как об освященной. Когда-то закупорили устье родника, вставили в него изогнутую трубу, и теперь вода льется, как из водопровода. Нина наполнила водой небольшой жбанчик – Зоя просила принести воду. Хуан отнял у нее жбанчик, и мы пошли совсем в другую сторону.

Минут через десять вышли на берег речушки, медленно скользкой между наклоненными деревьями и кустами. Виктор Борисович продолжал:

– Это река Воря, а левее – видите вдаль – это музей Абрамцево.

Мне все, абсолютно все это нравилось: луга, лес, речка. Удивительно, что в окрестностях Москвы сохранились такие чудесные места. Я просто влюбилась в этот лес, в эту речку. Позднее всегда старалась хотя бы месяц проводить летом в этих местах.

Мы с Хуаном еще несколько раз встречались на даче у Зои с Петром Аркадьевичем. И каждый раз мне все больше нравилось быть с Хуаном. Только теперь я поняла, что означает слово «влюбиться». Я каждый раз ждала эти редкие встречи, понимала, что Хуану нелегко находить дома оправдания, почему он куда-то уезжает на уик-энд. У меня не хватало ни желания, ни сил на обвинения, что приходится делить его с женой и ребенком. Я была рада хоть изредка иметь его рядом с собой. По-моему, Хуан ценил мое терпение.

Однажды удалось быть с ним почти неделю. Он должен был весной выступать на какой-то конференции в Ленинграде. Предложил ехать вместе с ним. Я сначала растерялась: как же с работой? Но потом пошла и твердо заявила бригадиру, что очень устала, мне нужно на неделю в отпуск, отдохнуть. Бригадир отнесся с пониманием.

И вот мы едем поздно вечером в пятницу в Ленинград скорым поездом. С нами в купе вполне интеллигентные люди, мы поговорили с полчаса и улеглись спать. Я никогда раньше не ездила в купе. Единственный раз, когда ехала поездом из Казани в Москву, сидела всю дорогу в общем вагоне. Тесно, грязно, вонь. А здесь – чистота, занавесочки на окнах, вежливые проводницы, свежие простыни. Я взрослая, со мной рядом мой мужчина, ну не совсем мой, но сейчас он мой. Это совсем другая жизнь.

В Ленинграде устроились в гостинице в двоекном номере. Как будто специально подготовленном для таких пар. Ведь в один номер нас не поселят, нет записи в паспортах, а так приличия соблюдены, мы вроде в разных номерах, хотя удобства у нас общие. Суббота, конференция начнется только в понедельник, мы предоставлены на два дня сами себе. Обошли весь центр, прошли по всем (преувеличиваю, конечно) мостам: от Аничкова до Поцелуева. Осмотрели Исаакиевский собор и памятник Петру Первому. Вечером в воскресенье попали на представление с участием Романа Карцева, впервые услышала знаменитые слова: «Вчера были раки по пять рублей, но большие, а сегодня по три, но маленькие». Смеялась до слез.

Хуан провел меня в понедельник на конференцию, и я проскучала там несколько часов. На следующий день не пошла с ним, отправилась по магазинам. Собственно, покупать ничего не собиралась: магазины в Ленинграде ненамного лучше, чем в Москве, но в Москве обычно

не было времени спокойно пройтись по большим универсам, поглядеть на дорогую одежду, подумать, как бы это выглядело на мне. А здесь времени сколько угодно.

Вечера и ночи наши. После ужина в ресторане мы одни, нам некуда спешить, я наслаждаюсь почти семейной жизнью. Не хочется вспоминать Москву, работу. Когда Хуан начал однажды вечером говорить, что нужно, наконец, начать учиться, что-то сделать со сменой работы, мягко прервала его:

– Давай не будем портить наш отдых.

Жаль только, что это длится только четыре вечера. А потом среда, и мы утром уезжаем в Москву.

Но Хуан не забыл этот разговор, ему не нравилось, что я по-прежнему работаю маляром. Не знаю, с кем он разговаривал, какие доводы употребил, но однажды меня вызвал заместитель начальника треста по общим вопросам и предложил перейти работать воспитателем в женское общежитие, то самое, в котором я проживала. Возможно, ему это казалось нормальным вариантом. Была членом райкома комсомола, выдержанная, спокойная. Пользуется авторитетом у женщин. Что еще нужно? Для меня это было неожиданным. С одной стороны, не нужно каждый раз отмываться от краски, можно забыть этот прилипчивый запах. Но, с другой стороны, это серьезная потеря в зарплате. Я имела возможность откладывать каждый месяц по тридцать – сорок рублей и из этих денег приобретать приличную одежду. Часть даже вкладывала на сберкнижку, на покупки того времени, когда получу собственное жилье. А теперь будет только хватать на питание и простейшие бытовые потребности. Я сразу же сказала об этом, но замначальника треста пообещал через год накинуть еще десятку. А Хуан, когда я ему это рассказала, сердито заявил:

– Ты, в конце концов, собираешься осуществить свою мечту, собираешься учиться? Или всю жизнь будешь малярничать?

Перевод провели приказом быстро. И с 1 Мая я уже команду в общежитии. Нас две воспитательницы, и мы работаем по очереди. Либо с раннего утра и до четырех часов, либо с четырех и до позднего вечера. С энтузиазмом взялась в первые недели за работу. Если в коридорах, общих кухнях, в душевых и на лестничных клетках уборщицы поддерживали чистоту, то в некоторых комнатах не заботились ни о чем. Грязные, месяцами не мытые полы, пустые бутылки по углам, спертый воздух. Повесила в коридорах список комнат, поддерживающих приличный порядок и пригрозила вывесить список комнат-нерях. В ответ получила смешки: мол, все твои списки сорвем сразу. И, вообще, что ты вмешиваешься в нашу личную жизнь. Тебе больше всех надо?

А самой главной проблемой в общежитии был режимный порядок – мужчин не пускали дальше вахты. И девчонки очень страдали из-за этого. В мужское общежитие иногда страшно вато идти. Кто его знает, вдруг будут приставать не только ухажеры? Да и не пускают туда женщин, тоже вахтер на входе. И в гостиницу не пустят – они только для приезжих. Но ничего тут не поделаешь. Если разрешить мужчинам заходить беспрепятственно в женское общежитие, тут будет такой бардак – ужас. И я делала строгое лицо, когда девчонки просили разрешить жениху прийти вечером. Если я знала, что это действительно жених, то разрешение давала, но только в исключительных случаях. Опытные женщины предпочитали ничего не спрашивать, пускать ухажеров через окна на первом этаже. Приходилось им даже немного приплачивать девицам с первого этажа за это, но терпели. А я делала вид, что ничего об этом не знаю.

Моя напарница была более покладистой, пропускала парней более часто. Возможно, ей тоже приплачивали, не знаю. Но мне доставались иногда даже скрытые угрозы. Очень удивилась, когда ко мне начала подкатываться одна из наших женщин. Даже сначала не поняла, что это она уделяет мне столько внимания, глядит в глаза, говорит, что в обиду не даст. Но когда она попыталась погладить меня по спине, инстинктивно отстранилась. А потом девчата сказали мне, что она «кобыла». Я не поняла, но мне разъяснили, что она любит спать с молодень-

кими девушками. У меня глаза раскрылись от удивления. Как это может быть? Но престала даже разговаривать с ней.

Начала готовиться к экзаменам. Трудно, некоторых учебников уже нет, пришлось искать их в магазинах. Всю весну и начало лета готовилась. Именно в это время я занималась с опытной преподавательницей английским языком. Это была знакомая Нины. Она жестко сказала сразу, что у меня не произношение, а черт знает что. Начинать нужно с азов. И мы последовательно «долбили» слова. Потом начала учиться связывать их в нормальные предложения. Плохо было то, что я ведь прекрасно знала эти слова, эти предложения, и мне было трудно произносить их по-другому. Каждый вечер не меньше чем по часу разговаривала сама с собой, сначала очень медленно, выговаривая отдельно каждое слово, но потом все быстрее. С другими предметами было легче. Довольно быстро вспомнила все. А по литературе Нина достала мне целую пачку сочинений, которые я тщательно прочитала, вспоминая все, что мы учили в школе. На всякий случай приготовила небольшой рассказ о жизни нашей бригады маляров. Приукрасила как могла: все мы в рассказе были очень патриотичны, самоотверженно, с полной отдачей трудились, ни слова о любовных проблемах девушек, о борьбе за расценки, за зарплату.

И вот экзамены. Я сразу же пошла на вечернее отделение, знала, что на дневное не хватит баллов. Да и расставаться с работой, материально обеспеченной жизнью, не хотела и не могла. Сдала все экзамены, даже английский вытянула на четверку. С трудом, впритирку, но поступила. Сыграла роль моя трудовая биография. Комиссии было видно, что это не девочка, отслужившая в какой-то конторе два года, чтобы иметь льготы при поступлении. И представитель от комитета комсомола университета горой стоял на комиссии за то, чтобы принять меня, учитывая мое комсомольское прошлое.

Жизнь прекрасна, я студентка. Еще пять лет, и я выйду в жизнь специалистом. И тут удар. Начали потихоньку отпускать детей и внуков испанских эмигрантов. Хуан тоже подал заявление на репатриацию. Почти сразу получил разрешение на выезд с семьей. Признаюсь, проплакала две ночи. Мы прощались на скамейке в моем любимом Измайловском парке, он глядел мне в глаза, что-то говорил, но я ничего не слышала, только понимала, что он мысленно уже в Испании. Хуан обещал мне писать, и действительно я получила от него два письма, но потом он замолк. Писать мне ему было некуда, я не писала. И осталась одна. Нет, были связи, но только случайные, действительно кратковременные. Я даже и забыла, кто это был. Твердо решила никогда больше не влюбляться: слишком тяжело потом переживать потерю.

Глава 2. Время искать

1972–1983 гг.

Заочное обучение трудно для тех, у кого нет внутренней дисциплины. Никто тебя весь семестр не проверяет. Но если не работать весь семестр, то на сессии будет слишком тяжело. Не поможет даже краткосрочный отпуск, положенный студентам-заочникам во время сессии. У меня была возможность ежедневно заниматься. Мои напряженные часы – утро, когда женщины собираются на работу, или вечер, когда они приходят с работы усталые и недовольные. Именно в это время происходят все конфликты, в которых мне необходимо разбираться. Но остается несколько часов до обеда и после обеда, когда я могу спокойно заниматься.

Удивительно, но об учебе у меня почти не осталось никаких воспоминаний. Все слилось в сплошной поток: занятия дома, написание каких-то работ, установочные занятия перед сессией, собственно сессии.

Много лет – с 1969-го по 1982-й – мы были дружны с Ниной. Во время нашей первой встречи у Петра Аркадьевича дала ей свой телефон, вернее телефон нашего общежития. Она как-то позвонила мне, оказывается, муж снова уехал на сборы, ей скучно, сидит одна. И я поехала к ней. Живет она на Пятницкой улице у метро «Новокузнецкая». Двухкомнатная квартира в старом доме с очень высокими потолками. Квартиру и приличную зарплату дали мужу за победу команды на крупных международных соревнованиях.

Мы одноклассники, она замужем за профи, велосипедистом, членом сборной СССР. На сборах он изменяет ей, так сразу и сказала мне, когда я приехала к ней, и мы сидели за столом. Она отвечает ему тем же. Не знаю, кто из них начал первым. На этой почве часто ругается с мужем, когда он возвращается из длительных командировок на соревнования и тренировки. Говорит о взаимных изменах просто и спокойно. Я никак не могла этого понять. Говорю ей:

– Как же вы можете так жить? Ведь это каторга.

– А что делать? Где мне или ему жить? Да я и не проживу на свою журналистскую зарплату.

Не мне судить ее. На своей работе я получаю столько же, что и она. Но я-то привыкла уже к такой зарплате, а у нее еще и половина зарплаты мужа в кармане. Нина почти всегда оживленная, немного шептунья, любит веселую компанию, не прочь выпить. Много знакомых, очень общительная. Бесперомонная. Мне ее бесперомонность сначала очень не нравилась. Только значительно позже поняла, что это просто средство скрывать свои комплексы.

Я уже писала, что Нина окончила журфак Московского университета. Считает себя знатоком русской поэзии на стыке двух веков. Скиталась по редакциям, одно время даже работала на телевидении. Нигде не уживалась, так как была необязательна. Немного ее характеризует такой случай. Я интересуюсь, может ли Нина познакомить меня с кем-либо на Первом канале, чтобы устроиться на работу. Нина спрашивает:

– Ты готова переспать в течение недели со всеми в группе: от редактора до осветителя? Тогда есть надежда.

Я даже не ответила. И разговор на этом прервался.

Во время моей учебы мы часто встречались. Реально, у меня тогда не было других друзей. А после отъезда Хуана Нина оставалась практически единственным звеном, связывавшим меня с внешним миром. Она таскала меня с собой на все культурные мероприятия, знакомила со многими людьми, старалась отвлечь от тяжелых мыслей. Ведь отъезд Хуана, неожиданный отъезд, оказался для меня слишком тяжелым ударом.

Добавилось еще одно испытание. Нина как-то познакомила меня в кафе с молодым парнем, работающим в ее журнале. Симпатичный парень, полчаса развлекал нас анекдотами и смешными историями из жизни журналистов. Я удивилась, что делает этот сильный, спортивного вида парень в таком затхлом, по словам Нины, журнале. К тому же он оказался не только общительным и интересным, но и неженатым. Мы начали проводить вместе много времени, я почти перестала встречаться с Ниной. Появились мысли о реальности совместной жизни, ведь нам совсем даже неплохо вместе. Приказала себе забыть о твердом решении не влюбляться вновь.

Да разве обязательно быть влюбленной, чтобы жить вместе в согласии и радости?

Юрий был из семьи московских интеллигентов в третьем поколении. Мать – заслуженный детский врач, отец – важная шишка в Мосметрострое, прошедший путь от простого инженера. Меня начали принимать в семье Юры. Отец посмеивался, что наконец-то Юра нашел надежный якорь. Наверное, намекал на прошлые его связи. И мне его семья очень нравилась. Как она не похожа на мою семью!

Наше (мое?) счастье длилось почти два месяца. Мы даже обсудили с Юрой, как нам жить дальше. Решили пока не жениться, но найти съемную квартиру и жить вместе. И вдруг, все неприятности обрушиваются вдруг, я поняла, что забеременела. Как, почему? Вроде мы всегда оберегались, я всегда считала опасные и безопасные дни. Но врач уверенно заявила, что беременность есть. И срок три недели. Поразило, что она не поздравляет меня, и лицо у нее озабоченное. Направила меня на дополнительное обследование, которое показало, что беременность внематочная, нужна срочная операция.

Это сейчас такие операции делаются, как правило, так, что сохраняется возможность родов. Тогда это было почти гарантированное бесплодие. Врачи сказали, что если я случайно снова забеременею, то почти наверняка это снова будет внематочная, так как у меня проблемы. Вероятно, застудилась когда-то. Не помню, чтобы я серьезно застудилась, но врачи говорили очень уверенно. Я дала согласие на полную операцию. Не буду вдаваться во врачебные объяснения, но меня лишили даже теоретической возможности забеременеть. Вышла из больницы совсем подавленная. Все: у меня нет надежды на материнство.

Я вначале даже не совсем поняла свое несчастье. Вроде я вот, прежняя, ничего во мне не изменилась. Рассказала все Юрию, ничего не скрывая, он с пониманием отнесся к моим проблемам. Я чуть воспрянула. Но это длилось недолго. Через полторы недели мне сообщили, что Юрия видели с другой девушкой. А еще через два дня он, смущаясь, сказал мне, что встретил другую женщину и, кажется, влюблен в нее.

Промолчала и резко ушла, не сказав ему ни слова. Утопила слезы в подушке. Выброшу его из головы. Долго не встречалась после этого ни с кем, не хотела видеть даже Нину, но жизнь берет свое. Снова начала проводить время с Ниной, это отвлекало меня от тяжелых мыслей, даже отчаяния, а она знакомила меня иногда со своими друзьями. Я никому больше не говорила о своей неудачной беременности. Приходилось выдумывать опасные и безопасные дни, иногда заставляя мужчин одевать презервативы. Ко всему привыкаешь.

Степан появился у меня на горизонте как-то случайно. В мае 1977 года Нина затащила меня на одну из дач в Лианозово. Она только что познакомилась с молодым аспирантом, он пригласил на дачу, но попросил привести подругу, так как на даче он не один, еще друг постарше. Нина долго уговаривала:

– Не понравится, никто тебя не заставляет спать с ним. На даче места много. Утром спокойно уедем.

На даче было чудесно: май, цветущая сирень, костер в десяти шагах от дачного домика. В подвале ящик сухого вина. А вначале шампанское за здоровье дам. Хозяин, вернее съемщик, дачи – Степан Желтов – готовит на костре шашлычок. Вроде и внимание не очень обращает. По крайней мере, не пристаёт с глупыми шуточками. И, вообще, атмосфера спокойная.

Мы сидели у костра пару часов. Тезка Степана – аспирант Машиностроительного института – непрерывно рассказывает анекдоты. Я сразу вспомнила приметку, которую мне рассказывала тетя Дуся, младшая сестра отца:

– Если сидишь между двумя тезками – загадай скорее желание, пока никто не заметил, – сбудется.

Только мгновение думала, что загадать. Конечно, окончить университет, найти литературную работу. К сожалению, приметки сбываются не сразу.

Младший Степан немного, чуть-чуть, заикается, и анекдоты от этого кажутся еще смешнее. Нина прижалась к нему, готовая смеяться после каждой его фразы. А Желтов в основном молчит, предлагая нам время от времени еще и еще готовые шампурки. С красным сухим вином мясо идет великолепно. На тарелке выложена зелень. Меня удивила фиолетовая, «армянская» как ее назвал Желтов, травка. Непривычен был и запах кинзы. Чувствовалось, что Желтов разбирается в приготовлении вкусной еды. А вся обстановка дачи: этот запах сирени, всполохи огоньков в костре, темные силуэты деревьев на заднем плане и тишина, тишина вокруг, нарушаемая только стрекотом сверчков, навевала умиротворение. Казалось, что вот так сидеть, смотреть на огоньки костра, слушать чуть заикающегося Степана, можно до бесконечности. Потом Нина утащила своего приятеля в дом. Желтов аккуратно потушил костер:

– Пора в дом, сыровато становится.

Вокруг сразу стало как будто еще темнее; поежилась, а до этого не замечала ни сырости, ни прохлады. Подошли к дому. Я уже достаточно выпила, забралась на скамейку, а потом на стол, стоящий почти рядом с входной дверью:

– Я не буду с тобой спать, ни с кем не сплю после первой встречи.

– Кто тебя заставляет? Иди же, я тебя не трону.

Он большой, сильный, взял чуть выше колен, снял со стола, отнес в комнату:

– Устраивайся, я сейчас приду. Не трону я тебя, но третьей кровати у нас нет.

Не верю, все вы, мужики, – козлы.

Разделась, легла в холодную кровать. Вся напряжена, готова к отпору. А он действительно – лег рядом и отвернулся. Было даже немного досадно, что не обращает внимания и не нужно обороняться. А потом наступило утро, я проснулась в хорошем настроении, посмотрела на аккуратно постриженный чуть тронутый сединой затылок лежащего рядом мужчины.

Обидно, что же я такая некрасивая, неинтересная ему, что он спокойно спит? А может быть он импотент?

Он как почувствовал, что я проснулась, повернулся ко мне, а я сделала вид, что только просыпаюсь, потянулась, не раскрывая глаз.

Надо же, какой спокойный, самоуверенный.

Сходил на кухню, слышно стало, как шумит кран, наверное, зубы чистил, и снова лег ко мне:

– Привет, сегодня уже вторая встреча.

Я открыла глаза, посмотрела на него и ничего не ответила. Но ему и не нужен был ответ.

Минут через пятнадцать в комнату зашла Нина, оглядела нас:

– Степа, ты тут не обижаешь мою подругу?

Но увидела мое покрасневшее лицо и ушла успокоенная.

Больше я на этой даче не была: тезки снимали ее только на одно лето. Мне Лианозово не нравится. Конечно, на даче было хорошо, но я предпочитаю леса между платформой «55 километр» и музеем-усадьбой «Абрамцево».

Степана не видела две или три недели, вдруг он позвонил. Откуда узнал телефон нашего общежития? Наверное, Нина дала. Несколько раз звонил, это ведь каждый раз нужно, чтобы кто-то пошел от вахты сказать мне о звонке, потом пока я спущусь. А он терпеливо ждал. Однажды даже пришел в общежитие. Но дальше вахты его не пустили. Мы немного погуляли

по Москве, поговорили (вернее, разговаривала почти все время я, Степан не слишком разговорчивый) и попрощались. Я тогда готовилась к последним экзаменам, было не до встреч с малознакомыми мужчинами. А потом был последний экзамен. Это было в воскресенье. Он узнал, опять же от Нины, об экзамене, ждал меня около университета, и мы гуляли потом очень долго, разговаривая. О чем? Не помню.

Не хотела вступать в серьезные отношения, так как в это время развивался мой «роман», если так можно назвать, с профбоссом нашего треста.

Я уже проработала десять лет в тресте. Мне давно положено было дать жилье, хотя бы комнату в коммуналке. Ведь квартиры в тресте появлялись и неоднократно. Но всегда находились бесквартирные ветераны, женщины с двумя-тремя детьми. А то и спецы, которым квартиры обязаны были давать по гарантийным письмам. Моя очередь оставалась все так же безнадежно далеко. Я беспартийная, но пошла к парторгу треста – это был наш прежний секретарь комитета комсомола, теперь уже не Володя, а Владимир Петрович. Он сделал вид, что давно забыл, как я его «бортанула» когда-то. Владимир Петрович разьяснил мне все холодно и четко:

– Жильем распоряжается жилищная комиссия профкома. А если говорить напрямик, то наш председатель профкома Терентий Федорович. Партком старается не вмешиваться в дела профкома, разве что в вопиющих случаях. Но если ты решишь в основном с профкомом, то парторганизация палки в колеса ставить не будет.

Пришлось идти к Терентию Федоровичу. Мне он очень не нравился: лысоватый, толстый, полсотни лет с хвостиком, всегда с хитрой улыбкой на лице. Может быть, сказывалось и то, что краем уха слышала о его интересе к молоденьким, и даже не очень, работницам. Правда, ничего конкретного обычно не говорили. И вот я у него на приеме. Он запросил у секретаря мое дело, долго листал, хотя вроде что там листать – всего четыре странички. Долго говорил, не глядя на меня, о большом количестве первоочередников, о строгости отбора на заседаниях жилищной комиссии. Потом поднял на меня глаза, увидел мою поникшую голову и неожиданно закончил:

– Но профком постарается понять, чем мы можем тебе помочь. Не отчаивайся, заходи еще.

Я еще два раза заходила к нему на прием. Терентий Федорович опять бодро говорил, что жилье обязательно будет когда-нибудь. Я пожаловалась как-то Марии – старой знакомой по бригаде маляров. Она несколько месяцев назад получила однокомнатную квартиру, но у нее был муж и трехлетний ребенок. Мария посмотрела на меня сожалеючи и просто сказала:

– Трахнуть он тебя хочет, поэтому и ведет такие разговоры.

– Что ты, Мария. Он же женат, двое детей, да и старый такой.

– А что ж, что старый? Старый кобель тоже на сучку лезет. Ты думаешь, мне эта квартира просто далась? Он из меня всю душу вымотал, пока я согласилась с ним на его дачу ездить. Да еще и в баню затаскивал, когда она была закрыта.

У треста небольшой дом отдыха, и там есть баня.

– Да что ты, Мария. Ведь у тебя семья, муж, ребенок.

– Вот-вот, ради ребенка и терпела, аж три месяца. Ты же знаешь моего муженька, он никогда не получил бы жилье. А снять даже комнату при наших с ним окладах, платить 50 рублей – весьма накладно. Теперь хоть в однокомнатной, но живем независимо от его родителей. Но я тебе ничего не говорила про этого импотента.

– Почему импотента?

– Да он пока не напьется вдрызг, ничего не может. И предпочитает оральный секс. Сама увидишь.

– Нет, ни за что.

На том наш разговор и закончился. И я никогда больше не пошла бы к Терентию Федоровичу, но серия скандалов в общежитии переполнила чашу моего терпения. Я уже говорила, что основные проблемы возникают в вечернее время, когда мужики пытаются правдами и неправ-

дами проникнуть в общежитие к своим подругам. Особенно ближе к ночи. На третьем этаже жила одна перезревшая девица, которая раз за разом заявляла мне, что к ней пришел жених. К моему удивлению, женихи всегда были разные. Однажды, когда и она, и очередной «жених» пришли очень пьяные, я не разрешила пропустить его к ней. Тут-то и начался скандал. Она поливала меня всякими грязными словами, клялась, что со свету сживет меня, что я не даю ей возможность устроить свою личную жизнь. «Жених» уже давно слинял, а она не унималась до тех пор, пока я не заявила, что вызову милицию. Но после этого она постоянно стала преследовать меня гнусными выражениями. И подбила пару подружек на такие же действия. Дело дошло до того, что она с подругой встретила меня на улице, подруга сделала ей большой синяк под глазом, порвала платье, после чего они набросились вдвоем на меня. Били жестко, профессионально, не оставляя следов, а потом пожаловались директрисе общежития, что это я напала на них совершенно неожиданно.

Скандал замяли, а я пошла к Терентию Федоровичу, твердо сказав себе, что уволюсь, как только получу жилье. Не буду писать о дальнейшем, слишком все гадко, не хочется помнить, но через три месяца я получила жилье. Комнату мне выделили осенью 1977-го в старом доме на Третьей Богатырской улице (это около трамвайного пути из ВДНХ на Преображенскую площадь), в доме, построенном когда-то заводом «Красный треугольник» или «Красный Богатырь», не помню точно.

После оформления документов на комнату, въезда в нее и покупки всего необходимого (здесь-то и пригодились мои деньги на сберкнижке), более активно стала искать место литературной работы, просила всех знакомых, но помог только Виктор Борисович – у него было знакомство в издательстве «Трудовая Москва». К тому времени они уже давно расстались с Ниной, но мы иногда пересекались у Петра Аркадьевича, к которому я изредка приезжала отдохнуть морально от всей грязи бытия в общежитии и отношений с Терентием Федоровичем.

Приняли неохотно, так как нет ни опыта, ни умения. Приняли стажером в одну из редакций издательства, специализирующегося на производственной тематике, то есть издающего книги для рабочих, директоров предприятий о производственной деятельности, об успехах и т. д. Опять потеряла в зарплате. Но редакция расположена очень удобно – на Чистопрудном бульваре около Архангельского переулка. Наконец я могу забыть о годах работы в строительном тресте. И здесь я проработала много лет.

Болталась в неопределенном положении около полугода. Помог пожилой зам главного редактора. Нет, с ним у меня ничего не было. Просто ему нравилось, что я охотно выполняю его поручения, всегда приветлива, готовлю хороший кофе. Он добился для меня ставки младшего редактора с окладом 100 рублей. И прошло два года, прежде чем я получила первую прибавку к зарплате – 10 рублей. Но все же это была литературная работа. О ней в другом месте.

Поздняя осень, дожди, слякоть, вечером в комнате, после шумного общежития, слишком тихо и уныло. Не помогают даже книги. Степан несколько раз звонил мне, предлагал встретиться. И я более благосклонно стала относиться к нему. Два-три раза в месяц он стал приезжать ко мне после работы или в воскресенье. Иногда мы вместе ходили в театр. Один раз вместе ездили в Тверь, бродили по городу, выходили на набережную. Он долго проторчал в букинистическом магазине, не решался купить интересную ему книгу начала шестидесятых годов XIX века. Дорого стоила – 25 рублей. Но купил, объяснял, что в ней интересные сведения по вопросам практической жизни. Интересно и временами смешно, мол, читать методы изготовления фотопластинок дома или приготовления хорошего пива. С удивлением и некоторой завистью смотрела на такую покупку. Для меня это больше недели жизни. Для него – баловство, мгновенная прихоть. Он – кандидат наук, заведующий отделом в проектно-институте, который занимался разработками для автомобильной промышленности. Получал четыреста рублей в месяц. Сравните с моими ста рублями. Но дополнительно преподавал, руково-

дил дипломными работами, консультировал. В общем, старался заработать. Степан объяснял все это просто:

– Мне нужно содержать семью в Свердловске, ведь жена учительница в музыкальной школе, зарабатывает мало, часто болеет, ребенок не всегда может ходить в детский сад. А я тоже хочу жить здесь нормально.

Не подумайте, я никогда ничего от него не требовала. Конечно, всегда: в ресторане, в театре и так далее платил за все он, но никогда в это время между нами не было денег или каких-то материальных стимулов. Так прошла зима, началась весна. Я стала привыкать к Степану. Он был сильный, спокойный, уверенный. Нет, ни о какой любви не могло быть речи. Нам было просто удобно быть рядом, встречаться, когда нам хотелось. Я не расспрашивала его о семье в Свердловске, не спрашивала, как он получил прописку в Московской области, вернее, один раз спросила, но он четко ответил, что не хочет на эту тему говорить.

Весной предложила Степану снять на лето комнатку в дачном поселке на пятьдесят пятом километре. Мне хотелось бывать там, дышать свежим лесным воздухом. Возможно, меня притягивали к этому поселку и воспоминания о Хуане, но в этом я никому не могла бы признаться.

Мне не было удобно бывать часто у Петра Аркадьевича, тем более приходиться к нему с новым мужчиной. В предыдущее лето я снимала с подружкой на месяц комнату в расположенной недалеко от его дома даче. Теперь договорилась о съеме отдельно стоящего маленького домика. Действительно, очень маленького. В нем была только одна комната и небольшая прихожая, в которой на столике стояла газовая плита. Даже туалет был на улице. Ну что ж, впереди лето, не страшно. Мы приезжали вдвоем или порознь после работы в пятницу или чаще в субботу утром и возвращались в Москву поздно в воскресенье. Иногда Степан готовил супчик на электрической плитке, но чаще мы ограничивались приготовлением мяса или колбасок на огне. Добавьте сюда бутерброды, много зелени, которую он успевал приобрести по дороге с работы или из дома. Много ли нам нужно? А потом бродили по окрестностям, пару раз дошли до музейной усадьбы.

Однажды был курьезный случай. Мы идем вдвоем по берегу Вори, а нам навстречу пара – мужчина с женщиной. Изумленно смотрят на Степана и особенно на меня, он тоже на них, немного смущенный. Восклицания, мужчины похлопывают друг друга по плечу, я в растерянности, но виду не показываю. Мужчины обменялись несколькими словами, и мы разошлись. Степан объяснил, что это коллега с женой, оба из Свердловского филиала, где он работал раньше.

– Это ж надо? Встретиться в такой глуши. Теперь все будет доложено моей супруге. Опять скандала не избежать.

Но обычно прогулки были тихие. У нас мало общих тем. Литература Степана совсем не интересовала, а рассказывать мне о конфликтах и проблемах институтской жизни он не любил. Мы просто молча гуляли или обменивались короткими словами об окрестностях.

Именно на этой даче я познакомилась с Вениамином Семеновичем или просто Веней, как я его всегда называла. Веня приехал неожиданно со Степаном. Я сначала немного расстроилась: так хотелось продлить почти семейный уют, но, что поделаешь, улыбалась им обоим. Дело было в субботу к вечеру, мужчины привезли с собой много еды, несколько бутылок вина, Веня водку вообще не пьет. В отличие от Степана Веня оказался неутомимым рассказчиком, рассмешил меня историей, как они познакомились со Степаном.

Оказывается, однажды Степан помогал на огороде своей старенькой двоюродной тетушке, у которой был прописан в Софрино. В благодарность приходилось ему иногда приезжать и помогать ей по хозяйству. Сидел уставший на станции электрички, заснул. Кепка у него упала на землю. А так как одет он был для работы на огороде, да еще и перемазался, то видок был как у поддатого алкаша, просящего на опохмел. Вот ему и кидали сердобольные

старушки мелочь в кепку. У Вени здесь пересадка была, он ехал из Красноармейска. Проходит мимо, выгреб из кармана и тоже бросает горстку мелочи в кепку. Мелочь частично просыпалась мимо кепки, зазвенела, Степан проснулся, ошалело глядит на свою кепку с мелочью. А Веня интеллигентно просит прощения за то, что разбудил. Я сразу представила невысокого роста интеллигентного Веню, просящего прощения у вскочившего и вытянувшегося во весь свой немалый рост Степана. Ну они разобрались, долго смеялись. Веня заявил, что обязан «опохмелить» Степана, и они по приезде в Москву зашли в рюмочную, пропустить на ходу по стаканчику вина. Так и познакомились. А теперь иногда встречаются.

А потом еще истории одна за другой. А Степан только улыбается, слушая, как Веня меня развлекает.

Утром после завтрака повела приятелей сначала к моему любимому родничку, потом мы прошли длинную тропку вдоль Вори, вышли на опушку, почти к музею. Я рассказала, что это за усадьба, какие великие люди жили и гостили в этой усадьбе: Гоголь, Тургенев, Поленов, Репин, Васнецов, Врубель и многие-многие другие художники, музыканты, актеры. Степан слушает это уже во второй раз, но молчит, не перебивает, а Вене все интересно, внимательно слушает, задает вопросы, на которые я не всегда могу ответить. Возможно, именно эта прогулка послужила отправной точкой нашей многолетней дружбы с Веней.

Один случай показался мне странным. Степан, спокойный, положительный и без поэтических заскоков. И вдруг, на мой день рождения приносит стихи. Да какие, с ума сойти!

*Зачем обольщать, туманом звеня?
К чему ухищрения слов пустых?
Хафиз воспевает пусть соловья
И розу. А мой – гимном плоти стих.
Стремится он лжи покровы сорвать
И мглы пелену. Дряблый кокон пуст:
Любовь – не мечта, не нежная мать,
Не след уваженья, привычка чувств.
Любовь – это тайна близости тел.
Бесплодны мечты о слияньи душ.
Любовь – это песня артерий и вен,
Вскипевших вблизи. Созерцанье – чушь.
Не мрамор Каррары мой идеал,
Не бронзы в веках прокисшая грязь.
Эллады и Рима бы камни отдал
За жизни залог, поколений связь.
И трепета плоти сочная явь
В себе сокровеннее тайны хранит,
Чем древних наречий Двуречия сплав,
Чем Сфинкса оскал, пирамид гранит.
А символ мой – тайны, приз бытия,
Всё ты, приносящая света блик.
Желаньем одним, тобою горя,
Я жажду, я жду единенья миг:
Не зрением – телом видеть тебя,
Твое содроганье и хриплый вскрик.*

Смешное стихотворение, дилетантское, но мне понравилось. Наверное, потому что обращено было явно ко мне. Не очень верилось, что он сам написал. Но только значительно позд-

нее Степан признался, что писал его Веня. Позднее Веня читал мне и другие стихи, на память помню только некоторые, но где-то они записаны. Все стихи мне нравились, хотя были не очень профессиональные.

Пожалуй, это лето было одним из самых памятных и приятных для меня. Один момент я никогда не забуду. Не смогла приехать на дачу в субботу, приезжаю в воскресенье утром, перехожу через железнодорожные пути и вижу впереди Степана. Он лежит на пригорке, увидел меня. Вскакивает во весь свой рост, бежит навстречу, улыбается радостный, ну как мальчишка. В этот момент он любит меня. Я в этом уверена. И у меня поднимается теплое чувство к этому здоровенному почти сорокалетнему мальчишке. Ну, может быть, не любовь, я не могу и не хочу никого любить после Хуана, но, может быть, привязанность, благодарность за его нежное отношение ко мне, за вот эту встречу воскресным утром. Ведь он не знал, какой электричкой я приеду, и ждал здесь, много времени разглядывая приезжающих. Выхватывает у меня сумку, обнимает левой рукой, и мы неторопливо идем к нашему домику. И я готова идти с ним долго-долго, пусть все смотрят.

Кроме Вени к нам приезжали и другие знакомые, но обычно в воскресенье, без ночевки. И мы готовили шашлыки, пили сухое вино, бродили все вместе по окрестным лесам. Дело в том, что через Веню мы познакомились с большим количеством интересных людей, группировавшихся вокруг Вали.

Валя жила с Соней, почти взрослой дочерью шестнадцати – восемнадцати лет в трехкомнатной квартирке на втором этаже очень старого двухэтажного дома, в переулке за Домом журналиста. Все знают этот «Дом», красочно описанный в «Мастере и Маргарите». Валя очень высокая – метр семьдесят пять или даже больше. Не замужем, вероятно, никогда и не была замужем. Переводчица с английского и французского, но переводит только технические тексты, на литературу не покушается. Да и зарабатывать на техническом переводе удастся больше. Постоянно имеет все новинки самиздата, иногда и мне они доставались. У нее по средам часто собирается компания. Приносят, кто что может из еды и выпивки. Валя играет на гитаре, немного поет, голос не сильный, но мягкий. В основном поет из репертуара Татьяны и Сергея Никитиных. Почти всегда ей подпевает Соня. Я сейчас не помню, какие песни они пели, ведь я тоже люблю песни Никитиных, и они смешались у меня в памяти: что было новинкой тогда, и что пелось значительно позже.

Комнаты у них малюсенькие, с низкими потолками, то ли это до революции были детские комнаты, то ли комнаты для прислуги. Часть мебели совсем простенькая, вероятно, осталась еще с дореволюционных времен. Но в гостиной стол солидный, спокойно вмещает двенадцать человек, занимая ее почти целиком. Еще в одной комнате две кровати. Во всех комнатах пахнет собаками. И это еще слабо сказано. Запахом псины пропитано все, хотя живут они в отдельной комнатке. Валя воспитывает русских гончих, и они первыми встречают всех гостей. А щенки ползают везде. Идешь иногда и боязливо смотришь, не наступить бы.

Самая первая собака участвовала в съемках кино «Война и мир». Помните эпизод со своей гончих, рвущихся с поводков на охоте? Сейчас в квартире постоянно живут две племенные суки, которые вносят свой «вклад» в семейный бюджет, что очень кстати, так как никаких алиментов Валя не получает, а доходы переводчика не постоянны. Собаки имеют прекрасную родословную. Валя ездит с ними в разные города к породистым кобелям, чтобы случайно не было пересечений в родословных, так как это очень снижает качество и стоимость приплода. Живут с Соней бедно, но не переживают из-за этого.

С одной из Вениных и Валиных знакомых мы даже немного сдружились. Марина Сергеевна была преподавателем французского языка в первом педагогическом институте Москвы, кандидат педагогических наук, в совершенстве знающая французскую поэзию, особенно раннюю, до восемнадцатого века. Однажды она прочитала у нас со Степаном на даче у костра стихотворение Бернара де Вентадура. Читала на память по-французски. Веня восхитился звучно-

стью и музыкальностью стихотворения. Попросил текст и подстрочник. Заодно она передала позднее Вене подстрочники еще нескольких любимых стихотворений двенадцатого – пятнадцатого веков для поэтического перевода. И переводы, на мой взгляд, получились тоже звучные. Один из них я привожу здесь.

*Нет, то не чудо, что песни мои
Средь трубадуров всех звонче порою:
Сердце открыто всегда для любви,
Вечно желанная, властвует мною.
Сердце и тело, и опытность чувств,
Силу и честь я в нее заключаю;
Мир без влечения к любви тускло-пуст,
Бренность его я в любви забываю.
Подлинно мертв, кем забыт вкус любви,
Чувства растеряны в сумерках буден.
Жить для чего на земле без любви?
Чтоб досаждать надоедливо людям?
Ах, у небес одного лишь молю:
Чтобы не дали ни дня мне страданья,
Жизнь оборвали скорее мою,
Если забуду к любви я призванье.*

Небольшого росточка, худощавая, даже чрезмерно, полное отсутствие мускулатуры, Марина Сергеевна всегда говорит тихим голоском. Живет на крайнем юге Москвы (из окна на кухне видна кольцевая дорога), в двухкомнатной кооперативной квартире, которую купила совсем недавно. Квартира ухоженная, новенькая мебель. И совершенно не заставлена ненужными вещами. Марина смеялась:

– Когда переезжала со съемной квартиры, обнаружила, что и перевозить-то нечего, зря заказывала машину.

После знакомства у Вали я два раза ездила к ней поговорить о жизни. Она старше меня и в какой-то мере опытнее. Естественно, не замужем. Иначе, что бы она делала в этой разношерстной компании? Немного комплексует из-за того, что ни с кем долго не может встречаться. Хороших мужиков нет, а возраст уже далеко за тридцать пять. Попадаются почему-то простые грубоватые мужики, с интересом к выпивке и пожрать. А хочется чего-то интеллигентного. Один раз познакомилась с таким: читали стихи, пили хороший французский коньяк, очень хорошо говорили. Но когда дело дошло до постели, он признался, что не по этой части. Обидно.

В отличие от других участников компании, на скачки в манеж она не ездила. У меня они тоже не вызывали интерес, но однажды я была в манеже со Степаном. Об этом позже. Мы с Мариной стали реже встречаться после первой размолвки со Степаном, но иногда пересекались у Вали.

Еще с одной женщиной, которая стала не то что бы подругой, но хорошей знакомой, была Елена Владимировна, с которой мы познакомились тоже у Вали. Работает завсектором координации в проектном институте, в том же, что и Веня, секретарь парторганизации института. Высокая, метр семьдесят четыре, шатенка (крашенная), худая, грубоватая. На работе я ее не видела, но Веня с улыбкой говорил, что она в институте очень серьезная. При случае спокойно может обматерить. Хоть мужика, хоть женщину. Не задумываясь, заведет интрижку с мужчиной, если он нравится. Замужем, один ребенок, почти взрослый. Живет на северовосточной окраине Москвы. Одно из многих любимых выражений: «Ну что ж привередничать,

если мужчина хочет именно так». На выражение: «Долго ли умеючи!» всегда отвечает: «Умеючи – долго».

Ей это кажется оригинальным, ну да бог с ней.

У меня были знакомые женщины по работе, но все замужем. Не прочь поболтать в рабочее время о детях, о мужьях. Но после работы они спешат домой. А в компании Вали все свободны, все по-своему интересны.

После одного случая я сильно обиделась на Степана. Мы должны были пойти в «Славянский базар» на празднование Нового года. Почему-то он не полетел к семье. Неожиданно заулыбался, потянул меня в постель. Глядела на него с недоумением, но он был все настойчивее. Долго отказывалась, сказала ему в сердцах:

– Если тебе так невтерпеж, иди в ванную, обслужи себя сам.

Потом все же легла, со злости лежала неподвижно, но он даже не почувствовал себя виноватым. В ресторане мы были вчетвером, и я нагло заигрывала с Веней. Он мне, кстати, всегда нравился. Веня даже немного разозлился, его случайная подруга расстроилась. Позднее Степан обнаружил у себя в кармане бумажку с номером ее телефона, но утверждал, что так и не позвонил ей, хотя я долго отказывалась встречаться. Возможно, я не отвечала на его звонки, так как созвонилась с одним из моих прежних знакомых, и в пику Степану провела два воскресенья на даче у этого знакомого. В результате наша связь прервалась почти на полтора года.

Хоть немного, но нужно рассказать о Вене. Вениамин Семенович, как и Степан, был заведующим отделом, в том же проектно-институте, что и Елена Владимировна. Тоже получал четыреста рублей в месяц, но дополнительные заработки не искал. Вероятно, другой характер, другие интересы. Тогда я еще не знала, что он коллекционер. Я уже писала, что именно через Веню мы со Степаном вышли на Валины «среды», а потом и на всю «лошадиную», как я ее называла, компанию. Дело в том, что по субботам Веня, Валя, ее дочь Соня и многие другие их знакомые посещали манеж, чтобы покататься часок на лошадях. Я там была только один раз, но разговоры о лошадях у нас бывали часты. Помню, что мне нравилось одно стихотворение Вени:

*Потный бок; устал, пони:
Час работал,
И опять к нему в денник
Входит кто-то.
Жесткий трензель губы рвет,
Давит повод;
Вновь за кругом круг идет
Дряхлый робот.
Шум и гвалт; людской табун;
Ржанье, крики;
Распластаться вдоль трибун
Ветрам диким;
Силы счастье, мышц комок,
Стрелы-нервы:
Все вложить в один рывок,
Быть лишь первым.
Все в былом. Не ест, хандрит.
Жизни бремя
Тянет бывший фаворит.
Глеет время.*

Был момент, когда я во время очередной ссоры со Степаном как-то необычно посмотрела на Веню, когда мы сидели и обсуждали в кафе после встречи у Вали мою первую попытку написать детективный рассказ. Он внезапно посерьезнел:

– Оля, между нами ничего кроме дружбы не может быть. У меня семья в Саратове, да и здесь в Москве есть женщина, с которой мы в неплохих отношениях. Кроме того, ты хоть и в ссоре со Степаном, но для меня всегда останешься его девушкой.

Как он догадался? Какая я глупая.

Мне стало неудобно от такой отповеди, больше я не пыталась закидывать удочки, хотя повторяю, Веня мне всегда нравился. Историю о Вениной московской подруге рассказала мне как-то у Вали Елена Владимировна, но это было значительно позже.

Этот самый детективный рассказ я начинала писать три раза. Расскажу о нем тоже позже.

Валя нашла мне в 1979 году вариант обмена моей комнаты на более хорошую, расположенную в доме на 3-й Тверской-Ямской. Это практически центр Москвы. Оттуда был согласен перейти какой-то алкоголик. Но нужно было доплатить ему тысячу рублей. Таких денег у меня не могло быть в принципе. Помогла Нина. Она познакомила меня со старым заслуженным художником, членом Союза и даже одним из важных членов закупочной комиссии. Не буду тревожить его светлую память. Назову его Викентий Нилович. Очень хороший был человек. Условия договора были простые: он оплачивает разницу, а я сопровождаю его как натурщица и по жизни в течение года. Собственно, все оговаривала с Викентием Ниловичем Нина, она к таким вещам относилась очень рассудительно, а мне даже стыдно было это обсуждать. Но выслушала я Нину достаточно спокойно.

Викентию Ниловичу было за семьдесят пять. Он жил совсем рядом с улицей Горького. Двор дома выходил на Козицкий переулок. Квартира просторная, большой холл, гостиная, две спальни, одна из которых была всегда закрыта, и кабинет.

И все комнаты очень высокие. Викентий Нилович однажды обозвал свою квартиру генеральской. Впрочем, он и был генералом, только от живописи. Меня поразило, что на больших книжных полках стояло много старых чуть коричневатых фотографий. Викентий Нилович объяснил просто:

– Я ведь из старинной служивой семьи. Здесь не только мои друзья и знакомые, здесь и фотографии семьи моего дяди. Он до революции жил в этой квартире.

И добавил, показывая на статуэтки, расставленные на комод, на изящный столик, стоящий чуть в стороне, на парные картины мужчины и женщины, глядящих с противоположных стен друг на друга:

– Помнишь, в фильме «Следствие ведут знатоки», там еще Каневский играет, старая дама говорит следователям: «Старые люди – старые вещи». Как будто про меня сказано.

Я приходила к нему каждую субботу утром, он всегда радушно встречал меня, называл ласковыми именами: душечка, милая, ласка. Когда он в первую нашу встречу назвал меня лаской, удивилась:

– Почему? Почему вы меня так называли?

– Ты очень гибкая, грациозная. И все время настороже. Расслабься, ничего плохого тебя не ожидает. Мы просто побеседуем, ты будешь сидеть на софе, а я сделаю несколько набросков.

Мы прошли в студию, которая была на том же этаже. Он устроил меня на софе, только в кино видела такую, а сам пристроился за небольшим столиком с листами бумаги и карандашами. Вообще, с ним мне часто приходилось видеть что-то впервые. А он многое повидал на своем веку. Смеялся, что в детстве видел даже Николая Второго. И с ним я познакомилась со многими осколками давно ушедшего мира двадцатых и тридцатых годов. Но об этом потом. А пока я сидела на софе в не очень удобной позе, подложив под себя ноги и неестественно повернув голову. Викентий, так он просил меня называть его дома, несколько раз подходил ко

мне, менял немного мою позу, отходил на несколько шагов назад, недовольно хмурился, опять менял позу, но она его не удовлетворяла. Свои наброски он не разрешил смотреть:

– Все это мура и гадость. Нужно по-другому одеться.

Он подвел меня к большому шкафу, полному всякой одежды, попросил выбрать что-нибудь попримечательнее и вышел из студии, дав мне возможность переодеться. Для меня это была проблема. Вертела то одно платье, то другое, но никак не могла остановиться на чем-то. Когда он вошел снова в студию, я была в халате, на голове – соломенная шляпка. Викентий расхохотался, подвел меня к зеркалу. То, что там красовалось, меня ужаснуло.

Он же меня выгонит сейчас, как провинившуюся школьницу.

Но Викентий вдруг стал серьезным:

– В понедельник найди свободных пару часов. Мы пойдем в хорошее ателье и закажем тебе подходящую одежду.

В понедельник пошли на Кузнецкий мост в самое хорошее, как он сказал, ателье. Модельер долго рассматривала меня со всех сторон, предлагая повернуться, пройтись, сесть на стул, в низенькое кресло, встать на цыпочки, даже руки расставить в сторону, а потом скрестить на груди. Измерила все мои размеры. Все это время Викентий о чем-то разговаривал с ней, назывались имена незнакомых мне людей, они смеялись непонятой мною шутке. Вероятно, давно знакомы, хотя она почти в два раза моложе его. Наконец все эти мучения завершены, модельер сказала, что материал она подберет сама, и пригласила через три дня на первую примерку. Примерки растянулись на целый месяц, так как Викентий заказал очень много совершенно разных платьев, костюмов, юбок. Смешно он заказывал:

– И такой восточный прикид, что-то сексуальное и раздражающее. Ну ты меня понимаешь. И строгий деловой костюм, но постарайся, чтобы ноги не лезли в глаза. И вечернее платье с небольшим шлейфом, спина должна быть почти голая, а бюст пусть нахально торчит на переднем плане. Ну ты меня понимаешь.

И так далее. А я только обратила внимание, что мои ноги ему не нравятся, раз он хочет их скрыть. Наверное, он прав, но здесь ничего не поделаешь, ноги не переделать.

Иногда он вел себя, как ребенок, получивший новую игрушку. Помню, как он обрадовался, когда сделал эскиз маслом, на нем я полулежала на той же самой софе, прикрытой пушистой шкурой. На мне был костюм дамы полусвета восемнадцатого века, я задорно потягивалась (на эскизе). Он сказал, что удалось схватить какую-то особенную улыбку с «лучистыми глазами». Я не поняла, что он имел в виду. Попыталась скопировать выражение лица на эскизе, но у меня получилось что-то совсем другое, так как Викентий расхохотался:

– Нет, ты теперь просто выпучила глаза. Совсем не так.

Я сейчас попыталась вспомнить, что он говорил в тот момент, почему я так удивленно улыбалась? Помню, что он описывал несчастный балет «Болт», единственный раз поставленный в Ленинградском театре оперы и балета в 1931 году. Большинству артистов просто претило танцевать в этом бездарном балете. Но отказаться мало кто мог. И во втором действии юная Наташа Дудинская, танцевавшая Настю, в сцене, когда арестовывают Яна, вместо растерянности танцует назло всем радость. Ее же заставили танцевать Настю, все именитые отказались, а ее только что приняли, деваться ей некуда. Это в следующем году она танцевала уже Жизель, сейчас она знаменитость, лауреат четырех сталинских премий второй степени. А тогда ее никто не знал, разве что Ваганова, рекомендовавшая ее своим бывшим ученикам. Я сначала не поняла, что смешного в танце радости. Но он немного рассказал о либретто балета, почему из-за болта должны были арестовать Яна, и я, наконец, рассмеялась. Он часто «баловал» меня рассказами и побасенками из жизни великих мира сего.

Попросила подарить мне этот эскиз, впервые попросила. Но он сразу стал серьезным, извинился, что не может, тут же сел, нарисовал небольшую копию и подписал ее. Эта копия много лет висела у меня на стене. Сеансы, когда я ему позировала, мне нравились, хотя иногда

трудно было долго выдерживать заданную позу. Нравились из-за его постоянных рассказов. Они ему не мешали, он рассказывал почти автоматически, но не нудным голосом, а подражая голосам своих героев. Позднее, когда я стала значительно старше, поняла кажущуюся легкость таких рассказов. Ты уже наработал их, ты уже рассказываешь их в десятый раз, ты уже не задумываешься над ними и спокойно делаешь другую работу.

Сеансы позирования всегда чередовались или дополнялись «выходами в свет». Викентий тщательно выбривался, одевал один из своих парадных костюмов, цеплял бабочку – не признавал современных галстуков, выбирал трость. Меня всегда сместила его озабоченность внешним видом, серьезность подхода к выбору одежды по сезону. Но когда я один раз сказала об этом, он вполне серьезно заметил:

– Мой возраст уже не позволяет мне быть одетым как попало. Морщины, редкие волосы, согбенность, да еще если это дополняется небрежной одеждой... Это может только отталкивать людей. Особенно не очень знакомых. А я еще хочу выглядеть нормально. Хочу, чтобы люди, и дамы в том числе, видели, что мне не девяносто и даже не восемьдесят.

Я рассмеялась, а он подмигнул мне. Больше я эту тему не поднимала.

Мы отправлялись либо в ресторан на улицу Горького пообедать, либо ехали к кому-нибудь из его знакомых. Ему доставляло большое удовольствие представлять меня:

– Знакомьтесь, моя муза, Ольга Афанасьевна, или просто Олечка.

Я была не так уж и молода в то время, но разница в возрасте с Викентием была настолько велика, что меня воспринимали именно как «музу» знаменитого художника. Очередную «музу». Его знакомые – старички в возрасте от шестидесяти пяти до восьмидесяти лет – приободрялись при этих словах, становились галантными. Начинались рассказы, обычно о счастливых двадцатых и начале тридцатых годов. Все они были тогда молодыми, а некоторые очень молодыми. Радовались жизни, влюблялись, женились, расходились, жили суматошной жизнью. Но никогда не рассказывали о предвоенных годах. Это было как табу. Они пытались вычеркнуть из памяти эти годы, годы страха, клеветы, измен, двурушничества и снова страха. А им было о чем рассказать: о знаменитых людях в первую очередь. Да они и сами были знаменитыми. О них тоже рассказывали позднее много интересного. Я не была исключением (лет так через двадцать).

Меня тревожила одна мысль, ведь Нина вскользь упомянула, что мои обязанности не ограничиваются только позированием и сопровождением при «выходе в свет». Я поделилась своими сомнениями с Ниной. Она с изумлением посмотрела на меня.

– Ты что, думаешь, он сам полезет к тебе? Он же старый, он безумно стесняется. Ты сама должна решить этот вопрос. Будь решительнее и ласковее. Он хороший человек.

Поэтому я пришла к Викентию однажды в пятницу, вместо субботы. Было уже около девяти вечера, когда я позвонила в его дверь. Он немного с удивлением посмотрел на меня, но сразу же открыл пошире дверь.

– Проходи, проходи, Оля. Что так поздно? Ты, наверное, замерзла? Да не беда, у меня очень тепло, сейчас согреешься. Я приготавливаю чайку.

На улице действительно было холодновато: сыро, сильный ветер, да еще не очень тепло оделась. Викентий принес теплый пуховой платок, укутал меня им и пошел ставить чай.

Я всегда удивлялась, что мужчины, с которыми у меня были длительные отношения, практически все умели готовить. Странно слышать, как жены говорят, что их мужья даже яичницу не могут сами приготовить. Неправда, просто им не дают возможность развернуться, не хотят отдавать кухню. Ведь во всех приличных ресторанах повара – мужики. И как только мужчины остаются без контроля женщины – мигом начинают готовить. И некоторые очень прилично. Викентий не был исключением. Если мы не шли с ним в ресторан, он всегда угощал меня обедом. И каждый раз это были неожиданные и вкусные блюда.

Вот и сейчас – он принес поднос, на котором был не только чай, но и блюдо с бутербродами: с красной икрой, с тонко нарезанным сыром, с ломтиками очищенного авокадо и дольками лимона. Собственно, я тогда не знала, что это авокадо, решила, что это какое-то странное, но вкусное масло. Где он тогда умудрился его достать? Никогда не видела в магазинах.

Пока я поглощала бутерброды, а есть хотелось, Викентий снова начал спрашивать:

– Что так поздно? После работы?

Я прожевала очередной бутерброд:

– Нет, я останусь у вас.

Викентий немного оторопел, но тут же нашелся:

– Да, пожалуй, поздно домой идти. Оставайся, я сейчас приготовлю тебе комнату.

– Не нужно, я у вас буду.

Викентий внимательно посмотрел на меня:

– Ну как знаешь. Я тебе всегда рад.

Потом я стала заходить к нему по вечерам каждые две недели. Не скажу, что это было здорово. Все-таки он был старенький. И то молодец, старался доказать что-то. Я его всегда хвалила, хотя вначале пару раз имитировала оргазм. Но на третий раз он сказал:

– Олечка, милая, не нужно так, ты не умеешь притворяться.

Больше я так не делала. Не думаю, что я только «выполняла обязанности». Он мне нравился. Наверное, не как мужчина, а как очень хороший человек. И мне было приятно сделать для него хоть что-то, приласкать его. Все-таки я считаю его своим мужчиной, ведь мы были вместе целый год. И все это время у меня других близких приятелей не было. А потом он как-то виновато произнес:

– Ну вот, мы свои обязательства друг перед другом выполнили. Заходи ко мне иногда. Я буду тебе рад.

Нина сообщила, что Викентий Нилович уже нашел новую манекенщицу. На память у меня осталась копия этюда и куча интересных нарядов. Самые экзотические я, конечно, не забрала, но некоторые могла надевать еще много лет, пока не располнела. Мне такие наряды совсем даже не по карману.

Кажется, что этот год дал мне очень многое, я вошла с Викентием в совершенно другой, незнакомый мне мир. Мир интеллигентности, уважения к людям, отсутствия меркантильных интересов. Даже стыдно было за ту тысячу рублей, которую я получила в самом начале нашего знакомства.

И вот год кончился. Я к тому времени обжила свою новую комнату и смогла позвонить Степану. К удивлению, он сразу же откликнулся, зла не держал, мы снова стали встречаться, чаще посещать Валины «среды». Однажды в субботу вместе пошли на ипподром. Нет, не на официальные скачки, не пытаться выиграть или проиграть десяток рублей. Вся компания ходила по субботам кататься на лошадях. Мы со Степаном доехали до метро «Беговая». А там задними дворами и какими-то проулками вышли к манежу. Это на Беговой улице. Все знают манеж на Моховой улице. Манеж на Беговой чуть короче, но такой же широкий, и до сих пор используется по назначению. Степан посадил меня на трибуне, рядом с мамой какой-то маленькой девочки. Вскоре подошли Валя с Соней. Соня с маленькой девочкой ушла, а Валя осталась, не очень хорошо себя чувствует. Минут через десять начали выводить лошадей. В конюшнях я не была, но Степан говорил, что они огромные.

Сначала было неинтересно. Выводили лошадей, проверяли седла, строились в колонну по два, под руководством тренера начали двигаться. Потом пробежка мелкой рысью. Это объясняла мне Валя. Но потом вся колонна пошла в галоп. Я смотрела на Степана и немного на маленькую девочку, мама которой тоже сидела рядом с нами. Мелькают копыта, Степан, немного наклонившись вперед, как бы сливается с лошадей, немного привстает на стремянах. Конечно, он сейчас самый красивый из всех. Даже выражение лица изменилось: напряжен-

ное, волевое. Мне сверху хорошо видно, когда он пролетает мимо. Непривычно для меня... Три круга галопа, и вся кавалькада снова переходит на рысь. А потом, как будто для меня, тренер устроила небольшое соревнование. Вся группа остановилась в центре, а Степана и ту девочку поставили почти рядом. Команда, и они с места пошли в галоп. Девочка на старте немного замешкалась, отстала более чем на корпус, но уже к середине второго круга догнала Степана. Еще рывок, и она пришла к финишу на треть корпуса впереди. Конечно, она на семьдесят килограммов легче моего дылды. Час пролетел незаметно, все отвели лошадей в стойла, Степан подошел ко мне. От него несет потом: мужским и лошадиным. И острый запах кожи. Но мне этот коктейль запахов нравится.

Очередная размолвка со Степаном произошла в начале осени. Мы решили съездить на Рижское взморье, побыть вместе несколько дней. Да, было все хорошо, снять удалось только чердачное помещение, но очень приличное. Другое было бы не по карману. Мы бродили по хмурому берегу, холодная вода. Я немного поплавала, а он только раз окунулся. Приятный, почти счастливый день. На следующий день был поход в Ригу. Прошли центр – Старую Ригу. Я удивилась, что Домский собор врос в землю: около стен земля очищена, мы шли за металлической оградой, и приходилось смотреть вниз. Степан объяснил, что в городах за каждые сто лет уровень земли поднимается на тридцать сантиметров. Вот и ушел собор более чем на два метра под землю. На следующий день, когда мы собирались пойти ближе к вечеру в ресторан, все повторилось, как два года назад перед Новым годом. И опять ссора. Потом в ресторане из мести начинаю заигрывать с официантом, иду танцевать с парнями с соседнего столика. Делаю все, чтобы разозлить своего Степана. А на следующий день, когда мы отправились в Национальный парк Сигулда, идем под гробовое молчание. Кстати, там было прекрасно. Тенистые рощи, берег речки Гауя, развалины замка. Замок не очень большой, но мрачные стены, исчезнувшие своды, пустые бойницы окон навевают грусть. Если бы мы не были в ссоре, этот поход был бы маленьким чудом.

Остаться бы здесь на пару дней.

Купила в магазинчике сувенир в виде смешной варежки для работы на кухне. Когда Степан по привычке хотел оплатить его, категорически отказалась. Правда, он стоил всего-то ерунду. Возвращались тоже молча и не виделись после этого очень-очень долго.

Значительно позднее, когда мне уже было сорок с большим хвостиком, я думала, почему я так часто ссорилась со Степаном. Ведь кроме этих двух крупных размолвок, мы иногда по каким-то глупым причинам не встречались по неделе, по две. И всегда инициатором ссоры была я. Степан, вероятно, как все проектировщики, не любил ссоры, всегда дипломатично пытался найти выход из, казалось бы, тупиковой ситуации во взаимоотношениях. А я? Постоянно принципиально стояла на своем, возмущалась, когда дело продвигалось не так, как мне хотелось бы. Ведь на работе была всегда совсем другой, улыбалась автору, даже если он своей тупостью, своей верой в собственную непогрешимость, выводил меня из себя. Выводил, но я же этого не показывала. Возможно, дело в том, что по-настоящему не любила ни Степана, ни других моих близких мужчин. Всю свою способность любить отдала Хуану. А все остальные? Нужно же с кем-то разговаривать, с кем-то отдыхать, с кем-то спать, в конце концов.

Глава 3. Время строить

1981–1985 гг.

К этому времени я уже стала профессиональным редактором. Работать приходилось с неопытными авторами. Написав какое-то количество страниц и удивляясь самому себе, что удалось связать воедино столько слов, такой автор поначалу считает, что создал чуть ли не шедевр. А редактор должен исправить лишь грамматические ошибки. Не говоря уж о том, что на каждой строчке «шедевра» густо теснятся «я – я», творец совершенно не задумывается над вопросом, зачем он вообще написал свой труд. Какие цели преследовал, что он хотел сказать, описывая будни своего завода, шахты, колхоза? Каждый раз, когда редакционный совет принимал решение о публикации, предполагалось, что на то и редактор, чтобы из этой кучи предложений слепить нечто похожее на книгу. Ведь имеется план работы издательства, и там черным по белому зафиксировано, сколько книг необходимо выпустить в текущем году. Будь добр, работай.

Помню, Веня однажды привел на «среду» у Вали одного приятеля – сына известного переводчика с фарси. Назову его Саша, тем более что его действительно так звали. И Саша с юмором рассказывал, как отцу приходилось переводить на русский язык безграмотные вирши узбекских, таджикских поэтов. Сначала приходилось формировать подстрочники. Приходилось даже иногда самому выдумывать подстрочники, так как у автора не проглядывался смысл его строк. Потом создавался на русском языке совершенно новый текст. Авторы были безумно признательны переводчику, и признательность выражали конвертами с деньгами и ценными подарками. Ведь без публикации сборника на русском языке им было не попасть в Союз писателей. А это кормушка на всю жизнь: должности, творческие командировки за счет Литфонда, гонорары за любую чушь, которую обязаны печатать местные издательства. Книги все равно не читают, их сваливают в подвалы, а авторы получают положенное вознаграждение.

Вот так же приходилось работать и с русскоязычными авторами в нашем издательстве, то есть переводить их труды с русского языка на русский. Правда, судьба этих книг была аналогичной. Их сваливали в подсобных помещениях торгов и магазинов, так как те не имели права отказать от литературы партийных издательств.

Было одно существенное отличие: русскоязычные авторы не имели обыкновения что-то дарить редактору кроме цветов. Ведь они тоже почти ничего не получали (кроме незначительного авторского вознаграждения) за свой труд. Только моральное удовлетворение. Бывали, конечно, исключения, когда автор, изумленный преображением своего текста, вручал какой-то подарок, усиленно приглашал в ресторан или, смущаясь, пытался вручить конвертик с пятьюдесятью рублями.

А над текстом очередной книги приходилось работать больше месяца, снова и снова возвращаясь к давно проработанным страницам, каждый раз находя все новые упущения или возможности чуть-чуть улучшить текст. Часто, когда выпуск книги задерживался, приходилось брать рукопись домой и просиживать над ней допоздна.

Некоторые из относительно молодых авторов пытались установить неформальные отношения, но я всегда была категорически против этого.

Стандартный случай. Дают мне утром четверга в работу «труд» директора угольной шахты в Кузбассе и знакомят:

– Петр Васильевич Приходько, директор шахты «Первомайская». А это Ольга Афанасьевна, она будет редактировать вашу книгу.

Приходько – здоровенный дядька лет пятидесяти, плечи – во, кулачищи огромные, лицо обветренное, грубое. Встает, пожимает мне руку, говорит, что очень рад. Уходим в мою комнату, и я, не раскрывая толстенную рукопись, начинаю его расспрашивать о шахте. Он преобразается, начинает с гордостью рассказывать, как его шахта перевыполняет планы, какой спаянный коллектив на шахте. Минут через пять прерываю его и начинаю выяснять, долго ли он писал текст, проверял ли кто-нибудь грамматику. Он начинает путаться.

Понятно. Текст, возможно, судя по его рассказам, писал кто-то другой.

На этом нельзя заострять внимание, пока не познакомились поближе, пока он еще не доверяет мне. Спрашиваю его, надолго ли приехал в Москву, сколько у него времени на работу по книге.

– А чего там работать? Книга написана, нужно посмотреть опечатки и запятые. Я в них немного путаюсь.

– Да, конечно, мы все посмотрим. Но сначала я должна прочитать книгу.

– За пару дней прочитаете? Мне ведь в воскресенье улетать.

– Нет, думаю, на первое прочтение уйдет неделя.

– А что так долго? Я ее прочитал за два дня. А ведь это после работы.

– Но редактор читает совсем по-другому. Я должна вдуматься в текст, понять, зачем вам нужен каждый абзац, почему вы написали его именно так. И каждую главу рассматривать отдельно.

– Я не понял, извините. Почему рассматривать каждый, как его?

– Абзац?

– Да, абзац. Раз написано, значит, наверное, нужно.

– Обычно каждая мысль, положенная в основу абзаца, нужна. Но часто абзац или построен неправильно, неточно выражает главную мысль, или, иногда, вообще не несет никакой нагрузки, является лишним.

– Если лишний, вычеркните его да и все.

– Но для этого я должна посмотреть, не связан ли он с другими местами в тексте. Не опирается ли на него какая-то мысль.

– Что-то очень сложно. И сколько все это займет времени? У нас меньше чем через три месяца юбилей. Я хотел бы раздать людям книгу перед праздничным собранием.

– Очень мало времени. Я, конечно, постараюсь уложиться в полтора месяца, но вы поговорите с нашим главным редактором, чтобы он нажал на типографию. Они могут протянуть целый месяц, а могут сделать все за две недели. Ведь нужно еще будет отправить вам тираж.

– Весь тираж не нужно, нам хватит штук сто. Я буду вручать только передовикам. Так что можно будет отправить авиа. Мы оплатим доставку. А остальные книги можно раздать в торгующие организации, как обычно. Мне ваш главный так говорил.

– Вы можете улететь в понедельник вечером? Я тогда подготовлю основные вопросы к понедельнику. И мы сможем обсудить все здесь до обеда. Это помогло бы ускорить работу. А сейчас я хотела бы посмотреть книгу «вчерне». Мы можем встретиться здесь после обеда, часика в четыре?

– Как прикажете. Это у меня главная цель командировки. Есть, конечно, и дела в министерстве, но их можно отложить.

– Прекрасно, значит, сегодня в четыре часа.

Я даже не пошла на обед, только перекусила бутербродом. Листала книгу, кое-где читала отдельные места. Во что-то целое не сложилось. Обычный набор ошибок построения: путаница в людях, перечисление личностей, о которых потом ничего не говорится, разрывы в описании событий. Нет, не специальные, для создания особого эффекта. Просто автор перескакивал иногда через десяток страниц и начинал потом снова говорить о том, что уже упоминалось. Ясно только, что основной герой не директор, а сама шахта. Хоть это хорошо. Но представляю,

как интересно будет это читать постороннему читателю, не работавшему на этой шахте, или хотя бы на другой, аналогичной. При тираже двести – триста экземпляров книга вполне могла бы найти своего читателя. Но ведь главред говорил о пяти тысячах.

Я не обращала внимания на стиль, на грамматические и синтаксические ошибки. Это все ерунда, это исправимо. Но основной идеи книги, вокруг чего должно строиться все описание, я не вижу. Наверное, об этом и не думали. Пока это груда, перечень фактов и несколько маленьких описаний истории развития шахты. Уже около четырех, а у меня только несколько закладок на совсем непонятных мне местах.

Ровно в четыре пришел отдохнувший, немного порозовевший Петр Васильевич:

– Уже прочитали? Здорово. Я даже не ожидал этого.

Он просто увидел, что рукопись раскрыта на одной из последних страниц.

– Много вопросов?

– Я не прочитала – проглядела. И вопросов пока мало. Вот скажите, зачем здесь называется о том, как красиво танцует Людмила Осиповна? Ведь здесь перечисляются передовики, работающие под землей на врубовых комбайнах. А она вроде из заводууправления?

– Что? Как она сюда попала? Это ж нормировщица Люська! Та еще бабенка. Вот...

Он явно хотел выругаться, но остановился.

– Вот черт этот Парасюк. Вставил свою зазнобу среди передовиков.

– Кто такой Парасюк и почему он что-то вставил в вашу книгу?

– Понимаешь, милая, я тебе как на духу скажу, у меня ведь не было времени писать столько страниц. А в райкоме потребовали, чтобы на обложке было мое имя. Мол, так солиднее. Я поручил писать начальнику отдела научной организации труда, все равно ему нечего делать. А он поленился и перепоручил все этому Парасюку. И даже не проверил.

– Но вы читали книгу?

– Конечно, читал. Но знаешь, на пятой странице уже так спать хочется. Я ее два дня читал, вроде все правильно, ничего он не переврал. Просил нашего инженера по технике безопасности прочитать. Он говорил, что все нормально. Да вырежи ты эту Люську, и дело с концом.

– Петр Васильевич, я ведь это только как пример привела. Мне нужно понять, что здесь главное для вас. Я сейчас не о том, что написал ваш Парасюк. Это все можно исправить. Но что вы хотели показать здесь? Есть ли что-то, за что вы боролись? Не только вы, но и весь коллектив. Что мешало? По нашей терминологии: в чем был конфликт?

– Да вроде ничего не мешало. Я бы конфликтов у себя на шахте не допустил.

– Ну, может быть, начальство не давало денег на перевооружение шахты? Может, кто-то ставил палки в колеса?

– Олечка, да зачем же писать о плохом? И так в жизни много плохого, еще и в книгах об этом писать.

– Но иначе читателю не интересно. Если нет конфликта, то это уже лакировка.

Здесь Петр Васильевич забеспокоился.

– Нет, лакировки тоже не должно быть. За это в райкоме не похвалят. А что ты посоветуешь?

– Давайте так, вы подумайте дома, что мешает шахте и как вы с этим боретесь. Приедете, и мы обсудим, исправим, вставим что нужно, что бы хоть что-то было в книге интересное.

Мы еще посидели минут сорок. Я указала на несколько совсем непонятных мне мест. Автор с изумлением слушал, всматривался в текст и тоже ничего не мог сказать, только ругался (про себя). Потом он посмотрел на меня, сказал, что доверяет мне полностью, разрешает править так, как я посчитаю нужным. Пообещал, что через две недели будет в Москве «как штык».

Я захлопнула рукопись: добилась некоторого взаимопонимания. Петр Васильевич обрадовался.

– Может быть, я угощу тебя ужином? Не подумай чего. Просто ты здесь сидела без обеда, читала эту галиматью. Ну Парасюк! Будет ему на орехи. Оставлю без премии.

Он уже давно перешел на «ты». Вероятно, ему это удобнее и привычнее. Я рассмеялась.

– Спасибо, Петр Васильевич, за заботу. Но я поеду домой.

– Что, дети ждут?

– Нет, но у меня дела дома.

– Ну как знаешь. Тогда до понедельника. А потом я дней через десять приеду.

Дальше события развивались по обычной схеме: я подготовила кучу вопросов, на которые Петр Васильевич в понедельник не смог ответить и перепоручил мне придумать, что бы это могло означать. Мы с ним поработали через полторы недели целый день. Потом я сидела неделю и еще раз перерабатывала сюжет. Затем выверяла нестыковки, сформировала на что-то похожее начало. Еще неделю работала над стилем. И наконец пошла самая простая часть работы – устранение его и моих ошибок, опечаток. К этому времени от исходной рукописи мало что осталось, и я сдала ее перепечатать. Так как главред нажимал, рукопись перепечатали за два дня. И я снова уселась за чтение и устранение нестыковок, опечаток. Наконец смогла сдать рукопись корректору. Еще четыре дня, и можно было сказать приехавшему Петру Васильевичу, что он может подписать готовую рукопись. Он даже не стал читать, только заглянул в начало, увидел, что там ему ничего не знакомо, молча подписал и сказал в очередной раз:

– Олечка, я тебе полностью доверяю. Если ты сделала так, значит, так и нужно. Давай скорее передавай в типографию, я пришлю парочку парней, и они увезут нужные мне сто экземпляров в багаже. Нет времени отправлять по почте.

Мне действительно осталось только подписать у главреда. Все, остальное – не моя забота. Можно законно отдохнуть пару деньков. Начальство не прицепится.

Год после разрыва со Степаном психологически был очень трудным. Я значительно реже стала посещать «среды» у Вали, так как там мне все напоминало о Степане, да и можно было столкнуться с ним лицом к лицу. Мы снова стали было встречаться с Ниной, но меня уже шокировало ее постоянное стремление знакомиться и завязывать отношения с все новыми и новыми мужчинами. Это был период, когда муж ушел от нее окончательно.

Разошлись мы с Ниной после того, как она заболела сифилисом. В 1982 году лежала в больнице в Москве. Степан, единственный из наших общих знакомых, навестил ее там. Как он пробрался в эту больницу, где только заразные больные, – не знаю. Я не решилась посетить. Вылечилась она потом где-то в Средней Азии, отправленная туда родителями. Один раз звонила мне после возвращения в Москву, но дружба с ней как-то не возобновилась.

Немного скрашивали одиночество редкие встречи с Веней. Нет, отношения у нас по-прежнему оставались просто дружескими. Я великолепно помнила свой прежний афронт. Мы встречались иногда у Вали на «средах». Именно в это время Елена Владимировна рассказала мне случай, когда она увидела пассию Вени. Мы шли с ней от Вали к метро, но остановились у кинотеатра «Октябрьский» и стояли, пока она выкладывала, посмеиваясь, эту сплетню. Клара – начальник отдела кадров их института – однажды «по секрету» сказала ей, что видела, как Вениамин Семенович дожидался кого-то на углу Среднего и Большого Николопесковских переулков. Это как идти от театра Вахтангова к Новому Арбату. Потом подъехала машина, за рулем которой была относительно молодая женщина. Вениамин Семенович сел в машину, и они уехали.

– Представляешь, Оля, мне, конечно, стало очень интересно. Ведь Веня ни с кем в институте не заводил шашни, а у нас это очень необычно. Многим на работе хочется отвлечься от семейных дел, семейных обязанностей. Поэтому пары возникают и расстаются очень часто. Парторганизация к этому относится спокойно, лишь бы скандалов не было, но в курсе всегда нужно быть. Естественно, я пару дней смотрела, куда Веня направляется после работы. А на третий день увидела – действительно, стоит наш Веня, озирается. Все уже ушли с работы, дура-

ков нет задерживаться, вроде и озираться незачем. Но он, видно сразу, чего-то побаивается. Подъезжает машина, внутри дамочка, он прыгает в открытую дверцу – и был таков. Но я-то стояла чуть впереди, там движение одностороннее, мне все видно. Разглядела дамочку. Ничего так, чуть моложе нашего Вени – лет тридцати пяти, очень ухоженная, я бы даже сказала, что симпатичная. На следующий день прижала нашего Веню в коридоре, ухватила за пуговицу, чтобы не слинял, и говорю ему: «Колись, Венечка, с кем едешь на машине? Кто такая, почему я ничего не знаю?»

Не буду пересказывать в деталях, но Елена Владимировна поведала мне по секрету, что, оказывается, Веня уже два года периодически встречается с супругой начальника одного из главков их министерства. Она увозит его обычно на дачу своих родителей, где они имеют возможность побыть вместе, когда муж уезжает в командировку. Вот и объяснение, почему он ведет себя в институте так странно. Она рассмеялась:

– Я однажды расставила ему сети: он же мне нравится. Поехали к одному из наших ребят домой. Хозяин одинокий, очень понятливый, смылся минут через пятнадцать, успев приготовить нам кофе. Отличное у него, к слову, кофе. Он его готовит на горячем песке, подогреваемом снизу спиралью. Извинился, что на полчаса должен отлучиться. А Веня наш сделал вид, что ничего не понимает. Проболтали с ним эти полчаса и разошлись, когда хозяин вернулся. Вот уж хозяин потом посмеялся надо мной, когда я ему все рассказала.

Когда я спросила Веню о его приятельнице, он неохотно ответил:

– Их брак был обговорен в свое время родителями. Почти династический союз. Отцы – видные руководители этого же министерства – работали вместе еще со времен войны. Его отец, уходя на пенсию, хотел держать руку на пульсе министерства. Поэтому предложил отцу Марии устроить этот брак. Это было лет пятнадцать назад. Значительно позднее отец Марии ушел на пенсию и успел серьезно продвинуть карьеру ее мужа. Теперь он верный кандидат на пост замминистра. Но детей у них нет, каждый живет своей жизнью. Главное, обговорили, чтобы все было без скандалов.

Как-то я предложила Вене сходить вместе на финал международного конкурса танцоров балета. Он обычно не любил ходить на спектакли, так как плохо слышал, но здесь-то не нужно ничего слышать. Мне было приятно, что Вене конкурс понравился. Он удивился:

– Не предполагал, что между исполнителями, занявшими первые, вторые и третьи места такая большая разница в технике исполнения. А, главное, что это заметно даже мне, ни разу не бывавшему на балете.

В январе очередной, весьма влиятельный московский автор подарил мне два билета в Большой театр на «Щелкунчика». Я пригласила Веню, потом он достал билеты на «Жизель». Удивительно, мы встречались всегда либо у Вали, либо на улице. Ни разу он не пригласил меня к себе, а я тоже не приглашала. Почему мы так вели себя тогда – не знаю.

Веня спросил однажды, закончила ли я писать тот детективный рассказ, который мы когда-то обсуждали. Пришлось признаться, что бросила его. Не хватает терпения писать страницу за страницей.

– Но ты ведь журналист по образованию, неужели так и будешь только править чужие тексты?

– Добавь, чужие осточертевшие тексты. А ведь раньше с жаром бросалась на них. Было даже интересно смотреть, как тексты преобразуются под моим воздействием.

– Так кто тебе мешает? Что, нет сюжетов? Давай придумаем.

Веня в это время перешел от увлечения Италией двенадцатого – пятнадцатого веков к истории Пскова. Почему именно Пскова – не представляю. И он на следующей встрече через неделю предложил свой сюжет.

«Два мальчика сидят на берегу реки Великой у костра после рыбной ловли, мечтают о дальних странах. Потом они пробираются через подземный ход (зачем подземный ход, не

помню) в Псков. А дальше, сопровождая отряд, разгромленный ливонскими рыцарями, попадают к немцам в плен. Один из них погибает во время побега, но второй убегает, странствует по Германии и оказывается в Италии. Там он становится подмастерьем у скульптора, работает по металлу, пишет картины, учится инженерному делу и потом возвращается в Новгород».

Дальше уже не помню.

Сюжет он подробно рассказал и предложил мне писать роман. Тогда это был вполне пробивной сюжет. Под него при старании можно было бы получить аванс в подходящем, но не нашем, издательстве. Я посидела над текстом, написала несколько страниц, почему-то описывая мирный вход молодого Александра Ярославича в Псков и воодушевление народа. Но Веня сразу раскритиковал, мол, мирного входа не могло быть. Впервые Александр Невский вошел в Псков примерно в 1242 году, но это был отнюдь не мирный вход. Да, ему был только двадцать один год, но он с большим трудом выгнал тогда из Пскова ливонцев и пригласивших их бояр. Я как-то увяла, написала еще что-то и остановилась. Не чувствовала этот сюжет. Так это и осталось все на бумаге.

Других сюжетов Веня не предложил, к тому же наконец в ближнее Подмосковье переехала его жена с ребенком, и ему стало некогда заниматься чужими проблемами.

В это же время у меня была случайная связь с юношей из соседней редакции нашего издательства. Немного стесняюсь этих воспоминаний, так как связь курьезная. Его по благу после школы пристроили в редакцию. Я заметила, что он всегда, когда встречает меня в коридоре, смотрит на меня (вернее на мой бюст), немного приоткрыв рот. Смешно, здоровенный парень и такой балбес. Но как-то я купила книжные полки на стенку (копила деньги несколько месяцев, вернее откладывала случайные деньги – подарки благодарных авторов). Просверлить дырки в стене, повесить полки – все это не для женщины. Когда он в очередной раз устоялся на мой бюст, я улыбнулась ему и спросила, не может ли он помочь мне повесить полки? Он с радостью согласился. Усердно сверлил стену, завинчивал шурупы, в общем, старался. Полки мы повесили, я его накормила, даже налила стаканчик вина и похвалила. Он на меня глядел такими бараньими глазами, что я не выдержала, рассмеялась:

– Ты так хочешь туда? – и показала на кровать.

Он не смог ничего сказать, только сглотнул и кивнул головой, испуганно глядя на меня. В общем, туда мы и пошли. Он еще пару раз заходил ко мне, но на третий раз я его не пустила на порог. Ни к чему мне такая связь. Тем более что он был очень неумелый и торопливый.

В 1983-м временно перешла на работу в музей «Абрамцево». Это случилось спонтанно. Летом пошла за водой на заветный родничок и познакомилась у него с Аллой – заведующей фондами музея. Поболтали, я рассказала, чем занимаюсь. А она пригласила в музей, посмотреть, «проникнуться старинным барским духом». Столько лет я снимала летом поблизости дачу, несколько раз заходила в музей, даже приводила туда знакомых, но была только в мемориальных комнатах. Конечно, интересно пройти по музею не как экскурсант. На следующий день после завтрака дошла до музея. Алла встретила меня и показала не только стандартный маршрут, но и рабочие помещения фонда.

Только здесь я поняла, что приглашение было не случайным. У них как раз уволилась девушка, занимавшаяся литературным наследием. И Алла предложила перейти к ним работать. Она тут же пошла к директору, обговорила с ним все и представила меня. Мне показалось, что директору совершенно безразлично, кого Алла хочет взять на работу, но несколько формальных вопросов он задал. А потом сказал, что в течение месяца музей будет держать для меня ставку.

Я пару дней думала, посоветовалась с нашим замом главного редактора. Он сразу сказал:

– Иди без раздумий. Нельзя сидеть много лет на одном месте. Я последние пять лет сижу здесь, потому что пора на пенсию. А ты молодая, тебе расти нужно. Без движения, как ты вырастешь?

– Туда далеко ездить, а зарплату только чуть-чуть обещают увеличить. Да и с нашей редакцией расставаться жалко.

– Но там новые люди, новые идеи. Вот ты сколько времени уже здесь сидишь? А делаешь то же самое, что и два года назад.

В результате я пошла к главному и положила на стол заявление.

– Закончишь книжку – и пожалуйста. Но помни, я тебя назад приму, если там не понравится. Другое место не ищи.

Никогда не думала, что он обо мне такого мнения: ведь раньше ни разу не хвалил, только ворчал:

– Давай, давай, что-то ты долго возишься со своей книжонкой.

Конечно, я не представляла себе, что мне придется делать в музее. Видела картины, неплохо знала, какие знаменитые художники работали в поместье во времена Аксаковых и Мамонтовых. Поместье для меня было окутано ореолом славы этих имен. Но когда за неделю ознакомилась с литературной частью музейных коллекций, все несколько поблекло в моих глазах. Да, около двух тысяч редких книг, более двух тысяч рукописей. Это, безусловно, богатство. Но это богатство для искусствоведов, занимающихся историей живописи и художественных промыслов девятнадцатого века. А меня интересует литература. И количество имен литераторов, связанных с поместьем, оказалось совсем небольшим: Аксаков, Гоголь, Тургенев. Несколько позднее Бунин и Шмелев. Если не считать Аксакова, все остальные мало связаны с этим поместьем. А книги Сергея Тимофеевича Аксакова мне совсем не интересны.

В университете я интересовалась творчеством Лермонтова. Причем не поэзией, а его прозой. В чемоданчике хранила свою курсовую работу по раннему творчеству, в основном по роману «Вадим». Можно назвать его романом, как я предпочитала, можно скромно обозначить как повесть. Меня привлекали в нем романтика, упоение свободой. Конечно, я доказывала в своей курсовой работе поэтизацию автором расправы, учиненной угнетенными народными массами над «верхами». Я правильно заметила, что Лермонтов обратился к этой теме раньше Пушкина, и делала акцент не на мысли «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Показывала фатальную предопределенность восстания. Восстания Пугачева могло не быть, но было бы другое восстание, на пять, на десять лет позже. И я старательно пыталась показать свое понимание процессов, происходящих в обществе того времени, на десяти листах своей курсовой работы. За курсовую получила пятерку, но теперь, когда вынула ее из чемоданчика и пролистала, только рассмеялась. Рассмеялась, так как вспомнила, как усердно переписывала свои умозаключения и выводы из трудов маститых авторов, не заботясь даже хоть чуть-чуть переработать их.

Мне хотелось продолжить свои «изыскания» в области лермонтоведения, но фонды музея не давали на первый взгляд никакой надежды найти что-то новое, неизвестное. Я поделилась своими сомнениями с Аллой. Она в ответ рассмеялась. Фонды в порядке, новые поступления достаточно редки. Кто тебе мешает работать над интересующими проблемами?

Два месяца изучала все, что было написано о творчестве Лермонтова. В библиотеке музея почти ничего не было из интересующего меня, но Алла сразу же разрешила ездить два дня в неделю в Ленинскую библиотеку. И вот я, перегруженная информацией, сижу и думаю. Опять изучать, как реалисты сороковых годов развивали тенденции, намеченные в «Княгине Лиговской»? Исследовать, как его проза уравнивала влияние ранних рассказов Гоголя на творчество последующих писателей? Заниматься проблемами интерпретации образа лишнего человека в романах писателей середины и второй трети девятнадцатого века?

Да и Тургенев в образе Базарова развивает в новую сторону идеи «Героя нашего времени». Если во второй части романа Герцена «Кто виноват?» масштаб драмы сопоставим с коллизией лишнего человека Лермонтова, то ничтожный Лучков в «Бретере» Тургенева является как бы тем же Печориным, искаженным кривым зеркалом. И Авдеев в «Тамарин», и Писем-

ский в повестях «Тюфяк» и «М-г Батманов» пытаются, довольно успешно, развенчать «печоринство», довести его до уровня пошлости.

И что уж говорить о Раскольникове Достоевского, в котором некоторые из худших черт Печорина доведены до крайности, до возвеличивания собственной вседозволенности, права судить людей и решать их судьбу. И совсем гротескно образ Печорина трансформируется в Ставрогине («Бесы»). Это уже памфлет, полностью принижающий «печоринство».

Все это хорошо, это интересно, но уже давно раскрыто в диссертациях и книгах маститых литературоведов. Трудно с ними состязаться. И ни к чему. Я решила не расплываться, ограничиться влиянием стиля, структуры и символики «Героя нашего времени» на литературу конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Да, Чехов учился у Лермонтова точности, простоте и краткости построения фраз. А Лаевский и фон Корен в «Дуэли»: разве не повторяют оба многое из Печорина, но по-разному? Разве отсутствует личное сопоставление? Да и Лев Николаевич Толстой не гнушался позаимствовать кое-что из лермонтовского наследия.

И я начала работать. Благо, что над душой никто не стоял, никто не подгонял, не нужно было в срок чистить и сдавать в типографию чьи-то очередные опусы. К своему удивлению и у Набокова нашла реминисценции из «Героя нашего времени». А я считала, что хорошо знаю Набокова. И у других писателей то тут, то там находила осколки лермонтовских мыслей, лермонтовского миропонимания.

А жизнь в Абрамцево была совсем не похожей на прежнее мое существование. Я могла оставаться ночевать в хозяйственных помещениях музея на несколько дней, уезжая в Москву только на субботу и воскресенье. Могла бродить по любимым окрестностям, обдумывая прочитанный вчера материал. Могла просто лечь на пригорке, созерцать плывущие по небу облака и мечтать. И это были уже не мечты молоденькой девушки о прекрасном принце, приезжающем на белом коне. Это мечты о спокойной жизни с мужем, без чрезмерных забот о хлебе насущном, без неустроенности, пусть даже без эмоционального богатства жизни, но и без постоянных разочарований.

От работы над статьей, я уже называла про себя подготавливаемый материал статьей, меня оторвала Алла. Приближалась юбилейная конференция. Коллектив все силы бросил на подготовку мероприятия. А коллектив малюсенький, всем достались поручения. Мне поручили проблемы транспорта и проживания. Бесконечные звонки приглашенным, выяснение, когда прилетят или приедут, когда возвращаются, нужна ли гостиница. А потом заказ гостиниц, билетов на обратный путь. Хорошо хоть, что питание на меня не сбросили.

И вот день регистрации. Две молодые сотрудницы из отдела художественного наследия и я отмечаем прибывших, выдаем буклеты, записные книжки, авторучки и еще какую-то мелочь. Я выдаю картонки с названиями гостиниц и заказанными номерами, снова уточняю даты выезда. Часть гостей, не добившихся в своих организациях официальной командировки, направляем в нашу своеобразную гостиницу. Мы приспособили один из флигелей, поставили в комнатах кровати, сделали цивилизованные душ и туалет. Именно там я позднее оставалась ночевать, когда засиживалась над своей работой и не хотела возвращаться вечером домой.

Конференция меня не очень интересовала: доклады были о картинах, о жизни и жизненных перипетиях художников. Но на третий день после обеда (мы организовали питание, хотя это оказалось очень трудно) объявили вечер отдыха.

Молодежь даже немного потанцевала. Я себя уже не причисляла к молодежи и скромно сидела в уголке. Но ко мне подошел один из участников, мужчина лет сорока пяти, и стал задавать вопросы о жизни в этом захолустье, о том часто ли я езжу в Москву, не скучно ли мне.

Все понятно, тебе скучно, хочется развлечься с одинокой женщиной.

Сначала отвечала спокойно, но потом мне что-то совсем не понравилось, и я в упор спросила:

– А у вас сколько детей: двое или трое?

Вопрос ни к селу ни к городу, мужчина сразу съезжился, как-то поник, ответил скороговоркой что-то невнятное и слинял. Потом мы проводили гостей: отвозили их партиями до станции Хотьково на микроавтобусе. «Праздник» кончился. И прекрасно. Можно снова заняться своей работой.

После обнаружения связи Набокова и Лермонтова я стала прочитывать подряд всех российских писателей начала двадцатого века. Действительно, то тут, то там из текстов, описывающих новые события, новые общественные движения, выглядывал каким-то краем Лермонтов. Писатели иногда даже не подозревали об этом. Литературоведы соотносили подобные места к «заимствованиям» из Чехова, Льва Николаевича Толстого, Достоевского. И я вдруг поняла, что это и будет основой моей работы. Изобретен термин «опосредствованное заимствование». И название работы: «Лермонтовское наследие в произведениях авторов двадцатого века. Опосредствованное заимствование».

Дальше все просто. Последовательно перечитывала всю русскую и советскую литературу первой половины двадцатого века, подчеркивала интересные места, составляла сводки и краткие выводы. Уже через полгода работа была готова. Я осмелилась выйти с ней на семинар в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Отпросилась у начальницы на пару дней, благо мое присутствие в музее обычно совсем не обязательно, поехала в Ленинград на набережную Макарова, дом 4, пообщалась с сотрудниками и получила приглашение на семинар. Семинар состоялся через три недели. Перед началом произошла небольшая заминка. Оказалось, что подготовленное помещение мало – пришло на удивление много людей – и мы перешли в зал. Доктор Прянишников – руководитель семинара – извинился за задержку и сказал, что люди пришли, так как на семинар приехал Михайлов. Я не обратила внимания на фамилию, так как ужасно волновалась. Мое выступление не вызвало большого интереса у аудитории, но после того, как я закончила говорить и ответила на пару вежливых вопросов, доктор Прянишников попросил подойти к члену-корреспонденту Валентину Павловичу Михайлову. Оказывается, у него тоже имеются вопросы, которые он хотел бы обсудить приватно. Я вдруг вспомнила: с ума сойти – Михайлов Валентин Павлович. Я великолепно помнила эту фамилию еще со студенческих времен, хотя в университете на его лекциях не была. Пушкиновед, признанный специалист и знаток всей российской словесности конца восемнадцатого, начала и середины девятнадцатого века. Что ему нужно от меня, какие у него могут быть вопросы?

Быстро собрала свои бумаги и подошла вместе с Прянишниковым к благообразному старичку, скромно сидевшему во втором ряду. Часть слушателей уже ушли, но он остался, и вокруг него столпилось несколько человек. Всмотрелась в него и вдруг узнала одного из приятелей Викентия. Мы были у него на Плющихе.

Очень хорошо помню, как Викентий представлял меня, называя в очередной раз музой. Тогда я не обратила внимания на его довольно распространенную фамилию. И разговор совсем не касался литературы, вспоминали постановки тридцатых годов. Собственно, разговор у них почти все время шел о пьесе Мейерхольда «Список благодетелей». Я в те годы вообще ничего не слышала об этой пьесе. А они сыпали именами и сценами. Порой мне казалось, что они говорят о разных пьесах. Михайлов напирал, что все сцены в Париже – безмерная глупость. Олеша, возможно, имел представление о Берлине, но так, как он описывает Париж и Лелю Гончарову в Париже – это ведь полнейшая чушь. А Викентий говорил о красоте Зинаиды Райх, как он жалеет, что ему не пришлось рисовать ее в костюме Гамлета. Ее гамлетовская походка – восхитительна.

Совсем ничего не понимаю. Где Гамлет, а где Париж? Почему у женщины «гамлетовская походка»? О ком они говорят: о Гончаровой или о Райх?

И тут вдруг Михайлов осекся:

– Викентий, что мы делаем? Спорим о давно ушедшей красавице нашей молодости и совсем забросили нашу милую гостью. Оленька, простите нас, старых.

Так мы были у знаменитого Михайлова?

– Я извиняюсь, Оленька, что отрываю вас. Но мне очень интересно снова увидиться с вами. Если не ошибаюсь, мы были знакомы лет пять тому назад. Нас знакомил Викентий у меня на Плющихе. Если я ошибаюсь, извините меня, Бога ради.

– Да, Валентин Павлович, это я, Ольга.

– Ну, слава богу, значит, не ошибся. Я хорошо помню тот ваш визит с Викентием. Викентий тогда был молодцом, не то что я. Видите, теперь только с палочкой.

– Викентий Нилович тоже с тросточкой ходил.

– Ну это он красовался. Постоянно тросточки менял. Впрочем, сейчас он тоже плох. Вернее, совсем плох. Вы, Оленька, давно видели Викентия?

– Да нет, как-то не приходилось в последние годы посещать его.

– А он о вас всегда вспоминает с теплотой. Называет последней музой.

– Почему последней? После меня у него была другая натурщица.

– Да, и не одна. Но он вспоминает только вас. Вас и ваши «лучистые глаза». Вы, наверное, видели его картину «Муза»? Вы там просто обворожительны.

Признаться, я даже не слышала об этой картине. Смущенно улыбалась, а он продолжал:

– Зайдите, зайдите к нему. Порадуйте старика. Впрочем, что это я все о Викентии? Я хотел сказать, что с интересом выслушал ваш доклад. Ведь специально приехал в Ленинград послушать его. Опосредствованное заимствование! Интересно звучит, главное, очень ново. Действительно, этот феномен иногда упоминается, но предметом серьезного исследования пока не был. Знаете, это даже звучит как заявка на серьезную работу. Я попросил бы вас подготовить тезисы вашего доклада, страницы на три, не больше. Опубликуем их в нашем очередном сборнике.

– Спасибо, Валентин Павлович. Обязательно подготовлю. А вы переехали в Ленинград?

– Нет, по-прежнему живу на Плющихе. Но теперь веду только спецкурс в университете.

– Еще раз спасибо вам. Постараюсь в ближайшую субботу навестить Викентия Ниловича.

Доклад сжала до трех страниц. Получилось не так доходчиво, многое пришлось опустить.

А в субботу поехала к знакомому дому в Козицком переулке. Дверь открыла дородная женщина в белом медицинском халате.

– Вы к кому?

– К Викентию Ниловичу.

– К нему нельзя, он очень болен.

Из комнаты донесся знакомый голос:

– Мария Федоровна, кто там пришел?

– Викентий Нилович, это я, Оля, ваша натурщица, помните меня?

– Олечка? Мария Федоровна, ведите ее сюда скорее.

Женщина с явным неудовольствием пропустила меня в квартиру:

– Только недолго, Викентий Нилович очень плохо себя чувствует.

Викентий Нилович действительно выглядел совсем неважно. Он и раньше был худощав той старческой худощавостью, которая увеличивает количество морщин на лице, но делает пожилого мужчину стройным, подтянутым. Теперь на лице остались только вытянувшийся острый нос и глаза. И эти глаза смотрели на меня с улыбкой. Не знаю, насколько плохо он себя чувствовал в этот момент, но явно пытался радоваться.

– Олечка, какими судьбами? Ты присядь в кресло, мной тут командуют, но сейчас потерпят.

А голос, голос все тот же, хриловатый, чуть насмешливый.

– Мне Валентин Павлович сказал, что вы немного прихворнули.

– Хорошо сказал. Немного! Да, он звонил, доложил, что видел тебя, расхваливал твой доклад. Очень меня порадовал.

– А что с вами, Викентий Нилович?
– Во-первых, просто Викентий. Ты что ж забыла, как меня называла? А болезнь простая – рак. Мой врач говорит, нужно готовиться. Впрочем, зачем тебе это? Я еще живой. Лучше расскажи о себе. Не вышла замуж? Пора бы уже.

– Нет, Викентий, никто меня не берет.

Я рассмеялась:

– Да я и не хочу замуж. Поздно уже.

– Что ты говоришь? Никогда не поздно начать жить с хорошим человеком. Другое дело, что хорошие люди не растут вдоль дороги. Открою тебе секрет: я очень жалел о том, что ты от меня уходишь.

– Что вы, Викентий. Это ведь вы сказали, что мы выполнили наш контракт.

– А что я мог сказать? Просить, чтобы ты осталась у меня еще на какое-то время? Признаться, я даже хотел предложить тебе двойную плату, но побоялся, что ты обидишься. А если по чести – совестно удерживать девушку возле старика. Знаешь, я все хотел предложить тебе деньги, что бы ты осталась еще у меня натурщицей, хоть на какое-то время, но стеснялся. Я же видел, что тебе нужно было расти не около старичка, а самостоятельно. Или, еще лучше, вместе со своим сверстником.

– Не надо так. Мне было хорошо около вас. Я ушла с сожалением.

– А я-то, старый дурак... Да что уж теперь говорить.

– Давайте о другом. Валентин Павлович говорил мне о картине «Муза». стыдно признаться, но я ее не видела.

– О, это лучшая моя картина за последние десять лет. Помнишь тот этюд? Я еще тебе сделал копию.

– Да, копия у меня дома, на стене.

– А у меня этюд в гостиной, будешь уходить – посмотри снова. По этюду и другим зарисовкам я два года работал. Говорят, получилось. Сейчас она в Третьяковке. Я обещал все картины отдать в музей, ведь племянники мои меня совсем забыли. Но этюд, если хочешь, завещаю тебе. Оставь свой телефон Марии Федоровне. Она медицинская сестра, но толковая, хотя и надзирает за мной, как Цербер. То нельзя, это вредно, будто мне жить еще несколько лет, а не недель.

Зашла Мария Федоровна и категорически объявила:

– Все, больше Викентию Ниловичу нельзя разговаривать и волноваться.

Как будто слышала, что говорил Викентий. А может быть, слышала.

На прощанье поцеловала его чисто выбритую щеку и вышла, пообещав зайти через неделю. В гостиной задержалась на минутку – на стене в простой деревянной рамке висел тот самый эскиз. Смотрела на него и мне казалось, что как будто и не было этих пяти-шести лет, что это я, молодая, смотрю сама на себя. Ладно, нужно уходить.

Специально пошла в Третьяковскую галерею, нашла «мою» картину и долго, долго смотрела сама на себя, молодую, оживленную, ждущую кого-то или что-то. И глаза у меня, действительно, лучатся, сияют. Картина не очень большая, только раза в два больше этюда. Но на этюде только я прорисована тщательно, а здесь свет, падающий из окна, освещает всю комнату, виден туалетный столик, собачка, лежащая на ковре, картина на стене.

Мне захотелось немедленно повидать Викентия. На этот раз Мария Федоровна встретила более приветливо.

– Проходите, только вряд ли он вас узнает.

Викентий лежал неподвижно, глаза открыты, но в них ничего не отражается. Мария Федоровна пожаловалась, что он только временами приходит в себя. Проходя мимо гостиной, обратила внимание на пустой светлый квадрат на стене, где раньше висел этюд. Его, аккуратно завернутый в плотную бумагу, мне вручила Мария Федоровна, когда я уходила. Сказала, что

так велел Викентий Нилович. Еще через неделю она позвонила мне и сообщила, где будут похороны. Потом были похороны, а еще через две недели адвокат передал мне письмо. Что было в письме – не скажу. Это мое, личное.

А жизнь продолжалась.

Примерно в 1984-м удалось сменить комнату на однокомнатную квартиру на третьем этаже трехэтажного дома в прекрасном районе около метро «Динамо» (Планетная, дом 4). Незадолго до этого появился новый знакомый. Это был чех – Павел Шевчик. С ним меня познакомил Веня. Знакомство было шапочным, то есть встретила их на улице Маяковского, теперь это Мясницкая, около магазина «Чай-Кофе». А позднее, тоже случайно, встретила Павла, когда спускалась по Кузнецкому мосту, шла в Петровский пассаж. Нам было по пути, он что-то рассказывал о Праге, я проявляла из любезности любопытство. Неожиданно он предложил зайти в кафе на площади, выпить кофе. После кофе попрощались, я пошла в Пассаж, а он направился к улице Горького.

Через пару дней он позвонил мне на работу, оказывается, телефон ему дал Веня. Они были знакомы по коллекционным делам. У меня в это время не было никого, и мы несколько раз встречались. Пару раз сидели вместе вечером в кафе, просто гуляли по Москве. Не знаю, какой бизнес у него был, но чувствовалось, что деньги у Павла водятся. Он приезжал в Москву на две-три недели, потом уезжал в Прагу и Берлин. Что он делал, что возил – не знаю, но, когда у меня появился этот вариант обмена, и я рассказала ему о нем, он без удовольствия, но согласился оплатить его. Правда, думал два дня. Но это у него всегда так: никогда сразу ничего не решает.

Это были почти новые времена, платить пришлось две тысячи семьсот рублей. Просили три тысячи, но Павел выторговал десять процентов скидки. Спокойный, уверенный, он доказал, что платить нужно две с половиной тысячи, но он добавляет еще двести. Как это у него получается? Реально, он оплатил долларами. Рублей у него было не так уж много. Я сама никогда бы не смогла оплатить обмен. Ведь с зарплаты 100, потом 110 и 120 рублей денег на обмен не соберешь. Эта квартира до сих пор моя, и я иногда захожу в нее: посидеть, вспомнить молодость, да и пишется в ней лучше, чем в новой, трехкомнатной.

Как-то так получилось, что после этого мы стали встречаться у меня дома. Признаться, воспоминания о Павле не очень яркие, но нам было удобно бывать вместе. Он приходил всегда с бутылкой хорошего вина, два раза даже с французским коньяком. Приносил что-нибудь вкусное. Павел был молчалив, да и говорить по-русски ему было трудновато, хотя говорил он правильно. А я болтала, рассказывала ему редакционные новости. О политике мы не говорили: ни ему, ни мне это не было интересно. В постели он был нормальный, хотя немного скован. Нет, мне не нравятся мужики-экспериментаторы, постоянно ищущие в постели что-то новое. Но Павел был уж слишком традиционен. Ничего кроме позы миссионера не признавал. Однако трудился добросовестно, и мне не приходилось слишком стараться, чтобы получить полное удовлетворение. Пишу это потому, что мне со многими мужчинами не везло. Приходилось упрашивать их не торопиться. Даже Степану я иногда говорила, если чувствовала, что он уже на взводе:

– Подожди, не двигайся, я все сама.

О Викентии я не говорю, он старенький. Какой с него спрос? Но Терентий Федорович был просто свинья. Только позднее я поняла, что он вымещал на нас, молодых женщинах, свое огорчение за несложившуюся жизнь, выплескивал свое сожаление о несостоявшейся молодости, проведенной в казахской степи, когда голыми руками строили стены новых корпусов, когда не было ни сил, ни желания встречаться с девушками, да и девушек вокруг почти не было. Этими издевательствами он отыгрывался и за злобную расплывшуюся жену – малограмотную деревенскую девушку, поймавшую его на беременности.

Я была с Павлом восемь – девять месяцев. А потом он исчез. Долго не знала его дальнейшую судьбу. Вене не нравились мои отношения с Павлом, но он предпочитал не говорить на эту тему. Как-то упомянул, что у Павла были проблемы на границе и ему закрыли въезд в СССР. Уже в девяностые он еще раз упомянул о нем, рассказав о неприятных деталях смерти Павла. Чувствовалось, что у него имеются причины не говорить о нем ничего хорошего, но мне-то Павел не сделал ничего плохого, мне его было жаль.

Много времени ушло на устройство на новом месте: денег совсем не было. И снова одна – возраст уже не тот, чтобы легко знакомиться, ведь на танцульки не пойдешь. Знакомые по работе уже все женатые. Так, переспать разок все согласны, но на отношения не готовы. А зачем мне такое?

И вдруг я встретила у метро «Чистые пруды» Степана. Я шла мимо метро, а он только что вышел. Постояли, поболтали и пошли пешком по бульвару до Трубной площади. Я часто так ходила, если погода хорошая. Там я предложила зайти ко мне на чай, и он согласился, но предупредил, что времени не очень много. Мы зашли в метро и поехали ко мне. Я действительно напоила его чаем, немного поговорили о жизни и распрощались. Он упомянул, что жена и дети приехали уже к нему, поэтому он спешит домой, ехать далеко. Дала ему свои новые телефоны. Как ни странно, мы неоднократно встречались после этого, даже иногда проводили вместе время в постели, когда ему удавалось немного раньше убежать с работы. Обычно-то он на работе задерживался, я всегда возвращалась с работы раньше его. Меня немного удивляло, почему он продолжает встречаться со мной. Ведь семья уже приехала, не так просто выдумывать каждый раз причины долгого отсутствия. Он объяснил как всегда просто: «Я к тебе привык. Тянет меня к тебе».

Я как-то посчитала: со Степаном у нас были отношения не менее восьми лет, правда, с очень большими перерывами. Честно признаюсь, временами я мечтала, что он разойдется с женой, и мы будем жить вместе. Но это только мечты. Никогда он не обещал ничего подобного, даже когда я еще до поездки в Прибалтику обманула его, сказав, что беременна. Он тогда помолчал, потом сказал:

– Ну что ж, рожай. Я постараюсь помочь.

Я разозлилась, наорала на него, но понимала, что он действительно готов помочь, однако никогда не бросит свою семью. Но ведь и я не способна зачать и родить. Деньги «на аборт» он дал, пришлось взять, не скажешь же, что это все ложь. Тем более что я собиралась тогда купить телевизор, черно-белый. Злилась на него, недели три не разрешала приходить, но потом успокоилась.

Глава 4. Время удаляться от объятий

1985–1988 гг.

В Абрамцево я проработала два года. Тезисы моего доклада были опубликованы. С Валентином Павловичем мы периодически встречались на Моховой. Он настойчиво предлагал мне продолжать работу по моей теме, говорил, что еще две-три публикации, и я смогу начать готовить диссертацию. Возможно, он был прав. Продолжала бы работать в музее и дальше, но в конце 1985 года в министерстве культуры сменились приоритеты, музею на следующий год было выделено значительно меньше денег. Начальство пыталось найти дополнительное финансирование, но ничего не добилось. Пришлось резко сокращать программу работ музея. Сократили и мою должность, как не очень профильную. Все-таки основное направление работы музея связано с живописью и прикладным художественным творчеством.

Не стала ничего придумывать, приехала на Чистопрудный бульвар в свое старое издательство. Нашего старого зам главного редактора уже не было. Он ушел на пенсию. Но Тихон Сергеевич – главред – тоже меня хорошо помнил. Он с радостной улыбкой сказал:

– Возвращаешься? Молодец. Я знал, что так и будет. Поработала в другой области, набралась опыта, даже написала научную работу – я ведь за тобой слежу. У меня сейчас как раз есть место старшего редактора. Надеюсь, не откажешься.

Я даже и не ожидала такого приема, думала, он будет ехидничать. Но потом поняла, в чем дело: за это время ушли на пенсию двое старших редакторов, а молодежь вовсе не спешит занять низкооплачиваемые должности. Тихон Сергеевич даже туманно намекнул, что место заместителя тоже вакантно. В редакции почти ничего не изменилось. Мы по-прежнему работаем над книгами все той же тематики. Одну комнату у нас отняли, но она нам и не нужна: в редакции осталось значительно меньше людей. Собственно говоря, настоящих редакторов осталось только трое, если не считать главреда. Остальные – чисто технические работники, да и их поубавилось. В первый же рабочий день на моем столе сразу оказались четыре папки рукописей. Когда я пошла выяснять отношения к Тихону Сергеевичу, он был уже суров и непреклонен:

– Ты хорошо отдохнула, впрягайся. У нас по этим рукописям задолженность. Так что не слишком вредничай с авторами. Сейчас не до жиру. Нужно вылезать из запарки. Я подпишу сразу, как только принесешь мне.

– А качество, Тихон Сергеевич?

– Над качеством будешь потом работать, со следующими книгами. Сейчас нужно выручать редакцию.

Это уже совсем другая установка. Раньше о таком даже думать нельзя было. Пришлось вцепиться в рукописи всеми зубами. Сначала меня тяготила необходимость приходиться в редакцию так рано, прочитывать в день столь много неудобоваримого чтения: отвыкла в Абрамцево, но постепенно вошла в нормальный рабочий ритм. Первую рукопись сдала за две недели. Конечно, если не думать над каждым предложением, за две недели можно осилить, да и была она не слишком толстая. Главред был доволен. Но со следующей возилась дольше. Совершенно безграмотная, но это полбеды. На страницах был полный хаос. Тогда мы еще не имели компьютеров, все делалось вручную. Сейчас я вырезала бы и вставляла в новые места слова, предложения и абзацы. Тогда приходилось переписывать целые страницы. Просто редактировать не получалось. Нечего было редактировать. За три с половиной недели я все же что-то скомпоновала. На книгу это было только похоже. Но после того как рукопись отпечатали заново, Тихон Сергеевич остался доволен. Он знал эту рукопись, сам когда-то смотрел ее и отложил в

сторону, а потом на мой стол, считая безнадежной. Ее и приняли в свое время под большим нажимом – автор имел связи в верхах, а ему почему-то очень нужна была эта публикация.

Со следующими двумя справилась достаточно быстро, правда, начала работать над одной из них еще тогда, когда перепечатывали предыдущую книгу. Раньше в такой момент я позволяла себе расслабиться. Теперь для меня это была только мечта. Постоянно приходилось брать рукописи домой, работать над ними дома не меньше, чем по два часа. Даже под Новый год сидела над рукописью до десяти вечера. Но наконец со всеми четырьмя моя работа окончена, главред попытался положить мне на стол еще две рукописи, но я решительно запротестовала.

– Тихон Сергеевич, если лошадь так долго прищпоривать, она ведь может и околеть!

Намек, ну очень грубый и необычный в моих устах, он понял. Разрешил мне отдохнуть пару дней. А так как дело было в среду, у меня впереди оказалось четыре с половиной дня. Вечером пошла к Вале, ведь это был ее «приемный день». По дороге зашла в кондитерскую и купила огромный торт.

У Вали, как всегда, было много народу, но из моих знакомых только Вениамин. Он удивленно поднял на меня глаза, ведь за последний год я ни разу не посещала «среды». Валя никогда не удивляется, забрала торт и познакомила с присутствующими. Запомнила я только Гену, приятеля Валиной дочки. Соня уже выросла, работает продавщицей в ближайшем магазине. Учиться не стала. Молодежь хочет жить сейчас, а не откладывать на «после учебы».

У Вали как будто ничего не изменилось. На столе стояла водка (потом узнала, что это заслуга Сони, ведь при нынешней антиалкогольной кампании это дефицит) и простая закуска: винегрет, блинчики с мясной начинкой, немного колбаски, плавленые сырки, банка маринованных огурцов, хлеб двух сортов в хлебнице. Как всегда, сборная солянка – кто что принес. Но вместо гитары и песен за столом спорили о политике, чего раньше не бывало. Всегда говорили о последних новинках литературы, в том числе о самиздате, о лошадях, о собаках. Теперь спорили о Горбачеве и водке. Я использую выражение «спор о политике», так как в России водка – это политика. Мнения резко расходились. Две женщины поддерживали антиалкогольную кампанию, трое мужиков яростно нападали на них. Смешно было видеть, как те и другие с удовольствием чокались, когда Валя произнесла понятный всем тост:

– Чтоб правительство не дурило народ!

Я не люблю водку, но пришлось делать вид, что понемногу пью. Потом сменили тему, хотя кто-то еще вспомнил Андроповский «бой» пьянству и разгильдяйству. Вяло перешли на обсуждение взаимоотношений незнакомых людей, и мне стало совсем неинтересно. Сморщившись, посмотрела на Веню, который тоже только пригубил несколько раз из своей рюмки, и он меня понял. Встал, сказал, что ему пора, и откланялся. Вместе с ним потихоньку улизнула и я.

Из Калашного переулка мы выбрались на Большую Никитскую, ей тогда уже вернули прежнее название, и по ней – на Тверской бульвар. Шли медленно, так как и ему, и мне хотелось поговорить: давно не виделись. Первый начал Веня:

– Я перешел из проектного в научный институт. Дирекция пытается заставить писать докторскую диссертацию, но желания такого нет, так как, кажется, это бессмысленно сейчас. Работа интереснее, чем раньше, и оставляет много времени на хобби. В семье все в порядке, стало значительно легче материально, так как после переезда жены и ребенка кончилась жизнь на две семьи с бесконечными перелетами из Москвы в Саратов. Да и жена хорошо получает в своем институте.

– А как с прежним увлечением?

– Моя пассия была недовольна изменившейся ситуацией. Раньше она была уверена, что, если у нее имеются возможности для встречи, я всегда «под рукой». А теперь все наоборот. Обычно у меня нет времени, возможностей, да и желания встретиться. Поэтому и встречи прекратились. А что ты делаешь? Как движутся научные дела?

Я предложила посидеть в кафе, так как на ходу трудно толком рассказать все, тем более что мне хотелось выслушать его мнение. Да и похвастаться хоть немного. Мы как раз были на Тверском бульваре. Веня предложил зайти в кафе «Пушкинъ», но я сказала, что там очень дорого, да и не хочу я есть. Достаточно выпить кофе, посидеть, поболтать. И мы прошли дальше, до «Шоколадницы» на Тверской. Прямо нужно сказать, что выбор не очень удачный: тесно, шумно, да и не очень чисто, но кофе подают приличный. Я в «Шоколадницу» хожу иногда, когда оказываюсь в центре.

Как бы там ни было, мы могли посидеть и спокойно поговорить. Рассказала о своем докладе, о тезисах. Веня сначала не мог понять, в чем «фишка», хмурился, но потом просиял.

– Понятно, а то термин какой-то громоздкий – «опосредствованное заимствование». Без бутылки и не поймешь. Хотя для научной работы вполне годится. Как я понимаю, это значит, один автор кое-что берет у другого, не догадываясь, что тот тоже умыкнул это у предшественника.

– Ну примерно так, хотя и не так грубо.

Вене только дай тему для разговора, сразу же разовьет и часто совсем в неожиданную сторону.

– Но это же вполне нормально у литераторов. Достаточно что-нибудь изменить: наряды, транспорт, эпоху. Возьми, например, детективы. Какой ни посмотри из современных, обязательно найдешь перепевы из Агаты Кристи. Новые любовные сюжеты вообще наперечет. Что ни напиши – будет повторением одной из ранних итальянских новелл. Даже если начнешь сочинять про взаимоотношения трех голубых профессоров изящной словесности из Йельского университета, окажется, что герои только поменяли маски и антураж. То же самое найдешь в какой-нибудь новелле с влюбленными и хитрым монахом или простофилей мужем и богатым сеньором, покушающимся на честь его любвеобильной жены. Однако литературовед будет искать аналог существенно ближе, забывая, что его аналог сам взят из французской литературы, заимствованный, в свою очередь, у итальянцев.

Я даже растерялась. Нужно будет все это осмыслить. Но он уже перескочил на другое:

– А как у тебя с личной жизнью?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, когда я у тебя на свадьбе смогу крикнуть «горько»?

– Не дождешься.

– Почему? Молодая, симпатичная, самостоятельная. Находка для толкового мужика.

– Пусть так, но где я его найду такого толкового?

– Да, кстати, Степан вернулся в Свердловск.

– Ну и что? Меня это, собственно, не интересует.

– Не свисти. Я тебя хорошо знаю. Ему предложили должность директора филиала института, где он раньше работал, до Москвы. Он бы не уехал, но жена настояла. Надоело ей жить на съемных квартирах, а там горисполком дал трехкомнатную квартиру почти в центре города.

Кофе мы уже давно допили, разговор о Степане мне не только неинтересен, но и неприятен. Мы дошли до метро и распрощались. Но остался какой-то осадок от разговора. Осадок, касающийся моей научной работы. Насколько прав Валентин Павлович? Действительно ли это научная работа? Может быть, я потрачу несколько лет, может быть, даже защищу диссертацию, мало ли что проходит, а Валентин Павлович своим авторитетом протащит через защиту любую кандидатскую диссертацию ученика. Но потом мне станет ясно, что я говорила и доказывала тривиальные вещи. Стало же Вене все понятно после нескольких моих слов. И что даст мне кандидатская диссертация в этом меняющемся на глазах мире? Возможность преподавать? А хочу ли я втолковывать студентам что-то из изящной словесности? Настроение было испорчено.

Дома приготовила ужин, ведь у Вали практически ничего не ела. С кем еще посоветоваться? Кто может сказать что-то дельное? Решила созвониться с Мариной Сергеевной. Мы давно не виделись и даже не разговаривали по телефону. Но она сразу узнала мой голос.

– Оля, это ты? Что-то случилось?

– Нет, Марина, вдруг вспомнила, что давно не звонила. Хотя вру, извини. Я хотела бы с тобой поговорить, посоветоваться.

– Что-то на личном фронте?

– Нет, на личном давно никаких событий нет. Хотела поговорить о своей работе. Меня подталкивают работать над диссертацией, а у меня сомнения.

– Интересно, давно ты наукой занялась? Я же тебя сто лет не видела, совсем не в курсе. Ладно. Завтра у меня день довольно загружен, две лекции, а потом с мужем идем к его приятелю на день рождения. А вот послезавтра, в пятницу, давай встретимся. Хорошо бы утром. У меня занятий нет, а муж на работе, никто не мешает.

– Тебя поздравить можно? Давно замуж вышла? Ты же все сомневалась.

– Да с год уже живем вместе, а женились летом.

– Поздравляю, от всей души. Это просто здорово. Хорошо, я в пятницу часов в девять утра приеду. Нормально?

– Да, конечно, приезжай. Попьем кофе, поболтаем, ты расскажешь все.

Можно еще посоветоваться с Аллой из Абрамцева. Но у меня не было ее домашнего телефона, а рабочий день уже окончился. Мне не сиделось на одном месте, и я позвонила Валентину Павловичу. Он не стал спрашивать что да как, просто сказал:

– Приезжай ко мне на Плющиху завтра после обеда, часикам к пяти. Я уже встану в это время.

– Спасибо, буду к пяти.

Я знала, что после обеда он обязательно отдыхает. Все, больше советоваться не с кем. Не с Тихоном Сергеевичем же советоваться, не в его интересах терять нужную сотрудницу. А больше и нет никого.

На следующий день в пять была на Плющихе у Валентина Павловича. Он провел на кухне, пили чай с плюшками. Пожаловался:

– Вот, живу один, спасибо, племянница жены немного помогает по хозяйству, готовит мне. Но ей тяжело, наверное, придется пригласить кого-то пожить у меня.

Рассказала о разговоре с Веней. Поделилась своими сомнениями. Он недолго думал, был категоричен.

– Давай все рассмотрим по порядку.

Первое. Да, сюжеты в какой-то мере повторяются авторами. Но ведь создаются совершенно разные тексты. Даже если описываемые ситуации похожи, то соль не в этом, а в том, как это подано, какими словами, каков общий фон. Можно ситуацию описать двадцатью – тридцатью словами, и иногда это трудно, но интересно. А можно написать повесть или роман, и это тоже будет интересно, или, наоборот, скучно.

Сравни, Викентий написал на своей картине не просто тебя, а свою мечту, свою музу. Но можно взять твою фотографию в такой же позе и повторить ее с детальной точностью красками на холсте. Может быть, это тоже будет искусство, но совсем другое. Еще более грубое сравнение. Тысячи художников рисовали портрет женщины. Сравни Джоконду и кустодиевскую купчиху. Женщины разные, но это женщины, а не слоны или пушки. Можно сказать, что они воруют сюжет друг у друга. Но кому интересно такое умозаключение? Вопрос не в том, что ты отмечаешь этот феномен. Вопрос в том, как ты это подаешь. И вот здесь пролегает тонкая грань между отчетом о проделанной работе по выявлению заимствований, пусть даже опосредствованных, и кандидатской диссертацией.

Второе. Пожалуйста, не замахивайся на ранних итальянцев, римлян, греков и прочих. У тебя тема: «Лермонтов и лермонтовские мотивы, опосредствованно заимствованные в литературе двадцатого века». Или что-то аналогичное. Над этим тоже нужно работать. Не распыляйся, ставь простую задачу. Возьмешь более широко – будет казаться, что это замах на докторскую тематику. Диссертационному совету такое не понравится.

Валентин Павлович расспрашивал и о работе, но почти сразу перескочил на свои проблемы:

– Вероятно, придется бросить даже чтение спецкурса, так как все тяжелее добираться до Моховой.

Опять журил меня за то, что пренебрегаю личной жизнью:

– Поверь, многое из того, что мы делаем в жизни, кажущееся нам важным и необходимым, через двадцать – тридцать лет оказывается бесполезным, а иногда и никчемным. Всегда нужно думать о том, что нам останется от нашей жизни. Я не говорю о материальном. Под восемьдесят лет совсем по-другому ценишь материальные блага. Впрочем, не буду забивать тебе голову моралью, продолжай делать ошибки в жизни, ведь это твои ошибки, и без них твоя жизнь будет пресной.

Мы еще немного поболтали на общие темы, и я откланялась.

На следующее утро отправилась к Марине. Я ее давно не видела и немного удивилась. Пополнела, похорошела, глаза спокойные, часто улыбается, правда, при этом у глаз появляются морщинки. Она обняла меня, усадила на кухне, сказала, что сейчас сделает кофе, и сразу же начала бомбардировать вопросами, практически не оставляя мне времени на ответы.

– Ну, выкладывай, что у тебя? Вы со Степаном так и не сошлись? Где ты сейчас работаешь? Почему вдруг занялась научной деятельностью?

Пришлось последовательно отвечать, что о семье пока не думаю, со Степаном очень давно не виделась, наукой занялась, пока работала в музее. Больше там и делать было нечего.

Марина быстро приготовила две чашечки кофе, подала к нему маленькие пирожные:

– Я перестала себя сдерживать с едой.

– Выглядишь прекрасно.

– Куда там! Но в сорок лет быть худущей вроде ни к чему.

– Я засомневалась, стоит ли продолжать работать над диссертацией.

– Понимаю, ты сейчас в раздумье: тратить время на кирпич или заняться чем-то более приятным. Подготовка диссертации требует очень много времени. Я когда-то именно из-за диссертации потеряла хорошего парня. Он предлагает пойти куда-нибудь, а мне позарез нужно написать несколько страниц доклада. Он ко мне в постель рвется, а у меня мысли совсем о другом, о формах глаголов прошедшего времени. Так и ушел к другой. Она тебе, диссертация, действительно нужна?

– Если бы я знала! Поэтому и мыкаюсь, пытаюсь понять, что мне на самом деле нужно. Вот ты, как решилась связать себя? Хороший мужчина?

– Да как тебе сказать? Ничего, нормальный. Мало пьет, только с друзьями. На меня, слава Богу, руку не поднимает. Он у меня инженер, строитель. Сама понимаешь, народ у него на стройке не сахар. Но он старается, дома не матерится, домой каждый день возвращается. Не всегда вовремя, да что уж поделаешь. Мужик – он и есть мужик. Должен немного пошляться. Я уже знаю: если пришел сытый, мой супчик не хочет хлебать, я про настоящий суп говорю, не подумай что другое, значит, кто-то другой, скорее другая накормила. Ну и стараюсь не нюхать слишком тщательно, чем или кем от него пахнет. Да нет, не подумай. Это у него редко. Мужик он здоровенный, вот на него женщины и липнут. Он же не виноват.

– Подожди, и ты с этим миришься?

– А что делать? Со скалкой его встречать? Он же сразу убежит, всегда найдется другая, чтобы его пожалеть и приютить. Я после защиты пожила с одним парнем. Тоже неплохой был,

но пару раз вернулся весь в помаде. На второй раз я его и погнала. Сейчас бы, наверное, так не сделала.

– Я бы не смогла смириться.

– Зря ты так думаешь. Я до знакомства со своим полгода не была с мужиком. Что ж, еще год одной ложиться в постель? А тебе тоже ведь не тридцать. Проще нужно быть, не требовать от жизни слишком многого, не ставить несбыточные цели, не ждать принца на белом мерседесе. Нет их ни фига в реальной жизни. Впрочем, что это мы только обо мне. Ведь ты не затем приехала, чтобы слушать мои сентенции. Расскажи, что с диссертацией у тебя?

– Тема определена, руководитель очень сильный, без труда протащит, лишь бы я там глупостей не написала. Но потом что? Я ведь преподавать не хочу, других мест для остепененных – раз-два и обчелся. А в издательствах от степени никакого прока нет. Главное не то, что у тебя в бумагах, а как работаешь. Вот и сомневаюсь, зачем мне надрываться. Мой шеф – ученый старой закалки, ему не понять, как можно не стремиться к науке, к ученой степени.

– А в издательстве все нормально? Сейчас ведь сокращения пошли.

– Тут все нормально, главред за меня держится обеими руками. Я ему план из болота вытягиваю.

– Тогда сиди, не дергайся. Впрочем, кто тебе мешает потихоньку и над диссертацией работать? Хотя бы для души.

– Наверное, ты права. Будь что будет.

Распрощались, договорившись созвониться и понимая, что, может быть, и не придется больше встретиться.

Работа шла своим чередом, книги все плодились и плодились у меня на столе. Я была назначена заместителем главного редактора, немного добавили зарплату, но просиживала над чужими рукописями целыми днями, как и раньше. В конце года директор издательства объявил, что нашей редакции теперь разрешили публиковать не только литературу на производственные темы. Дело в том, что книготорги начали отказываться от навязываемых тиражей. У них самих дела шли неважно. Мы резко, на порядок, сократили тиражи выпускаемой продукции, и наш финансовый план, как и план всего издательства, сразу затрещал по швам. Начались новые времена.

Если раньше наш портфель был всегда переполнен, мы с трудом успевали просмотреть все предложения, отсеивая значительную часть из них, то теперь готовы были печатать многое, лишь бы была надежда на реализацию. Раньше авторы гонялись за нами, теперь мы гонялись за авторами, предлагавшими «макулатуру». Так мы со смехом называли когда-то детективы и женские романы. В издательстве пошли сокращения. Сокращали сначала вспомогательный персонал, затем редакторов и корректоров. Благо, что у нас некого было сокращать, многие сами уволились заранее.

Первого «макулатурного» автора привела я. Однажды у Валентина Павловича на Плющихе мы обсуждали план заключительного параграфа второй главы моей диссертации. Присутствовал и делал короткие, но дельные замечания бывший докторант Валентина Павловича профессор Малышев.

К его замечаниям я прислушивалась очень внимательно. Последнее время Валентин Павлович был рассеян, почти всегда соглашался с моими словами, и я чувствовала, что он уже практически не может или не хочет воспринимать чужие мысли. Странно, ведь ему всего семьдесят восемь. Викентий в его возрасте был еще совсем бодрый. Я тогда не знала, что Валентин Павлович давно серьезно болен. Кроме того, он предупредил меня, что, скорее всего, передаст руководство мой диссертацией Малышеву. Владимиру Ивановичу Малышеву он передал кафедру несколько лет назад даже формально. А фактически тот руководит кафедрой уже много лет.

И вот мы закончили обсуждение, разговор пошел на окололитературные темы, и Владимир Иванович пожаловался, что один из его блестящих учеников «изменил Мельпомене».

– Ну ладно перешел бы к Эрато или Каллиопе. Ведь первый акт трагедии у него на втором курсе был совсем неплохой. Я ему с удовольствием поставил пятерку. И несколько его хороших стихов мы поместили в студенческом сборнике на третьем курсе. А окончил университет и занялся детективами. Недавно принес мне свою рукопись – ужасный романчик, сплошные разборки бандитов: драки, кровь, шантаж. Откуда только слов таких набрался: «капуста», «впарил», «крутые тёлки»? Ведь мальчик из хорошей семьи. Куда страна идет?

Я живо заинтересовалась.

– Владимир Иванович, вы могли бы дать ему мой телефон? Я посмотрю его рукопись. У нас сейчас с авторами плохо. Может быть, его роман нам подойдет.

– Хорошо, но стоит ли печатать такую ерунду?

– Я только посмотрю, может быть, посоветую написать что-нибудь более удобоваримое.

– Хорошо, посмотри, Оля, жалко парня.

Так появился у нас Жора Лагин – рыжий, веснушчатый, с всклокоченными волосами. Рукопись романа «Берегись, голубка» я читала и, как говорится, только головой качала. Нет, с грамматикой у него все в порядке, филологическое образование чувствуется. И стиль выдерживает. Но содержание не для слабонервных. Насчитала девять смертей, из которых только одна была естественной, четыре «стрелки», трех продажных «мильтонов», пять проституток. А «бойцов» я даже и не считала.

Задумалась, пошла советоваться к главреду – Тихону Сергеевичу. Он бегло пролистал первую дюжину страниц, увидел два трупа, заглянул в середину и в конец, поморщился и четко заявил:

– Пойдет. Именно это и покупают. Вычисти хотя бы пару трупов, кажется, здесь их с избытком, добавь поездку за границу. Пусть не мелочится, пусть денег побольше украдут. И направь ко мне автора для договора. Мы сейчас не можем много платить, нужно дыры закрывать. Он начинающий, обойдется маленьким гонораром. И права я у него заберу в издательство на пять лет.

Жора стал первым прибыльным автором. Договор с ним подписали, даже дали аванс. Жора был на седьмом небе. До этого никаких заработков у него не было, висел на шее у родителей, правда, достаточно состоятельных. Над романом я поработала, убрала страниц пятьдесят текста, но старалась не убить в нем энергию, напряженность сюжета. А пока я резала, кромсала и правила, он успел написать полсотни страниц следующего романа и принес в редакцию, с надеждой заглядывая мне в глаза.

– Ольга Афанасьевна, пойдет так? Вы читаете? Это первые две главы романа «Кровь на песке».

– Хорошо. Кстати, у тебя среди знакомых нет кого-то, кто пишет женские романы?

– А что, напечатаете?

– Да, если будет читабельно.

– Есть, пишет мой приятель Сёма, но он пишет под именем Саманта.

– Приведи как-нибудь. Посмотрю на него и на его рукопись.

– Обязательно. А когда вы прочитаете мои первые главы?

– Что ты так торопишься? Пиши дальше, а я через недельку прочитаю. К тому времени будут полностью готовы мои правки в твою «страшилку». Будет что и тебе читать.

Через неделю Жора привел своего приятеля Сёму-Саманту. Саманта оказалась здоровенным парнем, бывшим однокурсником Жоры. Он принес сразу две рукописи. Усадила его за пустой стол и попросила подождать. Выдала Жоре рукопись романа «Берегись, голубка», исчерканную, урезанную почти на четверть. Он открыл ее и схватился за голову.

– Ольга Афанасьевна, зачем же вы вычеркнули мое описание размышлений главного героя?

– А зачем они? Лучше начать сразу со следов убийства, но без трупа.

– Да, действительно, труп теперь исчез. А где он?

– Успокойся, Жора, полистай, почитай, а я пока побеседую с Сёмой.

– Саманта, Ольга Афанасьевна. Я предпочитаю это имя.

– Саманта так Саманта.

Ну очень не подходит ему это имя: метр восемьдесят рост – не меньше, сорок пятый размер ботинок, волосы жесткие, сизые щеки, на носу воспаление.

– Хорошо, Саманта. О чем ваша книга?

– Какая? Первая или вторая?

Взяла одну из них и открыла на первой странице.

– Вот эта, например.

– Это «Окошко счастья», о девушке. Она долго страдает, так как никто ее не любит, но потом в их город приезжает молодой бизнесмен и увозит ее в Париж. А там раскрываются ее таланты, она пишет одну за другой книги. Потом ее снимают в кино в роли подруги главной героини, которая находит счастье с испанским грандом, бедным, но очень добрым. И она получает Оскар за исполнение женской роли второго плана. А потом она тоже находит свое счастье, с французским графом.

– Неплохо звучит. Наверное, понравится провинциальным девушкам. Но я посмотрю, как это все написано.

– Ольга Афанасьевна, у Саманты все здорово написано. Я давал читать своей девушке, так она даже всплакнула. А потом сказала, что все очень жизненно.

– Жора, пожалуйста, не вмешивайся. Мы с Самантой сами разберемся. А о чем вторая книга?

– «Замок любви»? О девушке. Она знакомится в Ялте с французом, а потом он уезжает, и она долго страдает. Ей очень больно, и жизнь не складывается, но потом она знакомится с архитектором, снова влюбляется, а он уезжает в Швецию, где у него маленький замок, доставшийся в наследство от бабушки. Девушка страдает, даже хочет наложить на себя руки, но архитектор возвращается, забирает ее с собой в Швецию. И в замке, стоя на коленях, предлагает ей руку и сердце. А потом они долго и счастливо живут в этом замке.

Меня как током ударило. Но надо себя сдерживать.

– Да, и это неплохо. Оставьте рукописи, дайте ваш телефон. Я их прочитаю и позвоню вам, Саманта.

Когда мы остались одни с Жорой, я прямо спросила:

– Он притворяется или действительно голубой?

– Он чувствует себя девушкой, но парни шарахаются от него.

– Да уж... Но сюжеты у него нормальные. Посмотрим, как он описывает своих девушек.

Потом мы перешли к его книге, и я долго доказывала, что все длинноты приходится убирать. И нужно хоть часть тайны оставить для последних страниц. Жора пытался отстаивать свое, но быстро сдался и согласился, что многое нужно исправлять. Я дала ему еще неделю, чтобы проработать правки. Потом сделала несколько небольших замечаний по книге «Кровь на песке».

– Начало хорошее. Дописывай. Все-таки не увлекайся чересчур чернухой.

– Да-да, я все понял, учту ваши замечания по «Берегись, голубка». А-а... по этой книге мне тоже дадут аванс?

– Работай, все будет как положено.

Жора тоже ушел, я взялась было за романы Саманты. Под руку попался «Замок любви», про француза и архитектора. Нет, этот уж точно на потом. Но и «Окошко счастья» читать не

хочется. Пошла обедать в кафе, что напротив, и немного погуляла по бульвару, чтобы успокоиться. Но все равно, нужно садиться читать. Странное ощущение, я читаю и чувствую, что это писала не девушка. Может быть, потому, что перед моими глазами маячит длинная нескладная фигура Саманты? Пошла к главреду.

– Тихон Сергеевич, выручайте, нужно срочно прочитать рукопись. Похоже, что она нам подойдет, а я увязла по горло с опусом Жоры Лагина. И упустить эту рукопись не хочется. Ну возьмите, пожалуйста. Хотя бы для предварительного чтения. Я потом, через пару дней, заберу у вас.

Пожал плечами, но рукопись забрал. Я хотела, чтобы он, непредвзятый, посмотрел, не ощущается ли, что книгу писал мужчина, хоть и голубой. И мне это удалось. Через два дня шеф сам зашел ко мне после обеда, сказал, что это обычная дамская муть, но книгу мы печатать будем. Хлопнул рукописью по моему столу и довольный улыбнулся.

– Теперь ты опять будешь по уши в рукописях. Два новых автора – это уже кое-что. Трудись. Напечатаем – тебе повысим зарплату.

Прибавка к зарплате – это неплохо. Цены-то не стоят на месте. В то время мы не могли даже в кошмарном сне представить тот разгул инфляции, который наступил позднее, в 1992 году. Никто вообще не привык к повышению цен.

Пришлось серьезно сесть за «Окошко счастья» Саманты. Было неясно, почему приезжий бизнесмен обратил на героиню внимание. Не было ни особенных событий, ни какого-то удачного разговора с ней. Придется Саманте дорабатывать. Потом нашла еще несколько крупных нестыковок, или необъяснимых действий, даже с точки зрения женской логики некоторые действия были непонятны. Ну это-то легко исправить. Я увлеклась, карандаш летал по страницам, не заметила, как кончился рабочий день. Взяла рукопись домой.

А дома, сделав немногочисленные свои дела, внезапно кинулась к своему старенькому чемоданчику и вытащила листочки с рукописью «Повесть любви». И вместо рукописи Саманты начала перечитывать свои листочки. Теперь я читала медленно, как редактор, отмечая огрехи. Читала целый час, даже пришлось включить свет. Села и задумалась. Чем отличается мое детище от романа Саманты? Нет, все разное: действие у меня развивается более чем на сто лет раньше, у меня морской офицер, у Саманты – предприниматель. У меня девушка из средней, но обеспеченной семьи, у Саманты из простой, с весьма малым достатком. Не говорю уж об одежде, транспорте. Кстати, Саманта хорошо разбирается в женских атрибутах. Но суть одинакова: обе девушки мечтают об идеальной любви и находят ее. Но у меня действие на этом прерывается, а у Саманты вполне естественное, жизненное развитие сюжета. Может, если бы я продолжила, моя героиня, ожидая месяцами мужа из плавания, завела роман с соседским щеголем? Кто знает? А если рассматривать с точки зрения моих изысканий, у кого мы увели фабулу, причем совершенно независимо друг от друга?

Я так и не начала черкать текст Саманты. Сидела, вспоминала свою молодость. Как быстро она прошла. Ведь меньше чем через год мне будет сорок. И никто уже не скажет про меня – «девушка», или хотя бы «молодая женщина». Вот и Саманта, и Жора почтительно называют меня Ольга Афанасьевна. Для них я, наверное, крокодилица. Или крокодилиха? Как правильнее? Хорошо хоть не динозавр. Но в душе-то я еще молодая. А что толку? Пройдет несколько лет, и на меня ни один мужчина не взглянет с интересом. Да уже и не глядят. Я мысленно перебрала «моих мужчин». Кто из них сейчас с интересом взглянул бы на меня? Наверное, я сама виновата. Но в чем? Что я делала неправильно? Почему осталась одна?

Настроение испорчено, не до работы. Включила телевизор, все тот же старенький, черно-белый. Неужели у меня никогда не будет денег на новый, приличный телевизор? А на экране муть голубая, то есть черно-белая. Все тот же Горбачев оживленно несет чепуху. Меня политика совсем не интересует. Ну не верю я ни тем, ни другим, ни коммунистам, ни демокра-

там. Не хочу участвовать в наивных проявлениях активности. Нет, это не жизнь, что-то нужно менять. Огорченно выключила телевизор и легла спать. Утро вечера мудренее.

На следующий день позвонила Саманте и попросила прийти после обеда. Когда вернулась из кафе, Саманта сидел (черт, никак не привыкну писать что-то одно: сидел или сидела) около моего стола. Немного приоткрытый рот, в глазах ожидание, смотрит на меня как на судью, готовящегося прочитать приговор. Незачем его мучить.

– Саманта, мы решили попробовать напечатать «Окошко счастья». Но с ним придется много поработать. Потом объясню, что мне конкретно не нравится, а сейчас нужно пойти к главному редактору, подготовить проект договора. Ты готов работать над текстом?

– Конечно, Ольга Афанасьевна. Вы мне поможете?

– Это моя работа. Пойдем.

У нас с главредом давно отработана тактика. Он недовольно выслушивает мое предложение опубликовать роман, пролистывает его, будто видит в первый раз. Смотрит на автора, сняв очки:

– Первая проба пера?

– Да, Тихон Сергеевич. Мне Ольга Афанасьевна сказала, что нужно много работать. Я постараюсь учесть все ее замечания.

– Это уж непременно. Ты должен с большим вниманием отнестись к ее многолетнему опыту. Хорошо. Сейчас подпишем предварительный договор без указания суммы авторского гонорара и тиража. Все это после окончания работы над текстом. Согласен?

Я не удержалась:

– Тихон Сергеевич, вы не взглянули на титульный лист? Автор – Саманта.

– С чего ты взяла, что я не смотрел? Автор волен взять себе любой псевдоним, но договор оформляется на имя автора. Да, аванс выпишем пока небольшой. Если дело пойдет успешно, через месяц будет еще один. Устраивает?

– Конечно, Тихон Сергеевич. Я даже не думал про аванс.

– На то я и сижу здесь, чтобы за всех вас думать.

Он протянул Саманте на подпись стандартный бланк, на котором были проставлены название книги, паспортные данные автора, согласие на передачу авторских прав издательству и срок готовности рукописи. Больше ничего. Совершенно кабальный договор. Тут же был выписан документ в кассу на получение аванса. Саманта взглянул на сумму и расцвел. Уверена, он и не думал, что получит какие-то деньги. Первый настоящий заработок.

После его ухода я набросилась на главреда:

– Тихон Сергеевич, не стыдно так обирать мальчишку? Это не Жорик из хорошей семьи. У него же только мать, санитарка, денег никогда в семье не было, Жора мне рассказывал.

– Что ты раскричалась? Получит он все сполна. Вместе проставим сумму гонорара. А пока не следует баловать. Чтобы голова не закружилась. Как минимум нам нужно получить от него два романа.

– Тихон Сергеевич, насчет «Замка любви» у меня есть сомнения.

Не знаю, почему я так выразилась. Какие сомнения? Но не рассказывать же про свои переживания.

– Пожалуйста, без сомнений. Второй роман нужен позарез. Выпалим дуплетом. Сразу много печатать не будем, а заправку сделаем. Надеюсь потом на повторные тиражи.

С обоими авторами пришлось повозиться. Отторжение, которое у меня было по отношению к «Замку любви», постепенно прошло. Стала смотреть на нее просто, как на очередную книгу. Оба первых романа прошли на ура. Кстати, нам удалось привлечь хорошего художника для оформления обложек. Сказались мои музейные связи. И взял он совсем недорого. Смелся:

– Только ради тебя взялся за эту муру.

Он, оказывается, между делом пролистал книги.

Слава богу, никаких уничижительных отзывов критиков. Я тогда еще не понимала, что любая критика только на пользу дела. Значительно позже стала договариваться, чтобы написали хоть что-нибудь: пусть хвалят или ругают, все в дело годится. А книги, действительно, пошли. Выпустили вторые издания, увеличив тиражи в пять раз. Вторые романы тоже прошли через некоторое время. Ребята получили нормальные деньги, особенно за вторые издания. Мне увеличили зарплату на целых пятьдесят рублей. Приятно. Решила, что пора отдохнуть, тем более что лето манило, да и возраст уже хоть не страшный, но странный – сорок лет. Вроде лучшие две трети жизни прошли.

Это тогда так казалось.

Я сохранила форму, но грудь уже не та, хотя и привлекательная, по крайней мере для мужчин после пятидесяти.

Сорокалетние ищут молоденьких, глупых. Мной не интересуются. С изумлением отметила про себя, что более трех лет у меня не было мужчины. Никакого мужчины. Впрочем, немного лукавлю. Было у меня два года назад одно «приключение». Однажды один из авторов, когда мы поставили последнюю точку в его книге, пригласил поужинать вместе. Естественно, как всегда, отказалась. Сейчас не помню ни названия книги, ни фамилии автора, хотя книга была не так уж плоха. Помню только, что звали его Борис. Но через две недели он позвонил мне на работу, сказал, что достал два билета в Театр на Таганке. И я соблазнилась. После спектакля мы немного прошлись по вечерней Москве и распрощались. А еще через три недели Борис позвонил снова, сказал, что опять приехал из своего Днепропетровска в командировку в Москву. Настойчиво приглашал пойти в Будапешт, отметить выход книги. Голос у него был мягкий, но настойчивый. Я решила, почему нет? Наверное, не хотелось возвращаться домой, сидеть в одиночестве. После ресторана прошлись по улице Горького и, когда оказались около гостиницы «Пекин», он предложил зайти к нему, внимательно смотрел мне в глаза. Не знаю почему, но я согласилась. Позднее, когда уже ушла от него, попросив не провожать, ехала в метро, растерянно спрашивала себя: «Зачем это было мне? Только потому, чтобы не чувствовать себя совсем уж заброшенной, никому не нужной?» Когда он как-то еще раз позвонил и сказал, что снова в Москве, я холодно ответила, что занята все ближайшие дни. Он, вероятно, понял, и больше мне не звонил.

А что будет дальше? Остаться одной – «кто стакан воды подаст», когда буду больна? Решила, что поселю у себя племянницу, дочку двоюродной сестры. Поэтому впервые с тех пор, как приехала в Москву, решила съездить в Татарстан, так он теперь называется. Не поехала к маме и отчиму, решила повидаться с тетей – Евдокией Семеновной Мальцевой – младшей сестрой отца. Она живет недалеко от Зеленодольска, в поселке Красный Яр. Это между Казанью и Зеленодольском. Собственно, это пригород Казани. Тетя Дуся два раза приезжала к нам в Зеленодольск. И я ездила к ней летом в старших классах на фрукты и помогать в саду. Она была замужем за железнодорожником, жила в собственном доме недалеко от берега Волги. Мы изредка переписывались, и я знала, что мужа она похоронила, живет с дочкой и внучкой.

Нагрязнула к тете Дусе как снег на голову. Я помнила дорогу от остановки пригородного поезда. Идти, правда, далековато, а такси здесь нет. Поставила чемодан на крыльечке и осматриваю двор и сад. Она вышла, долго всматривалась:

- Оля, это ты? Совсем не узнать тебя. Такая городская дама.
- Я, конечно я, тетя Дуся. А ты совсем не изменилась.
- Ну да, не изменилась. Ты знаешь, сколько мне?
- Конечно, знаю. На пять лет младше папы, значит, тебе сейчас шестьдесят.
- Надо же, не забыла. Ну что ты стоишь здесь? Проходи в дом.
- Да вот, смотрю, что в саду изменилось. Ведь прошло больше двадцати лет.

Мы расцеловались, и тетя Дуся сразу же поставила чайник – напоить меня с дороги чаем. Одновременно тетя Дуся рассказывала о семье:

– Валюше не сладко досталось. Муж пил, с работой не ладилось. Разошлись десять лет назад. Теперь вот одна воспитывает Варюху. И фамилию ей собирается в паспорте оставить свою, девичью. Сама-то она сразу после школы пошла работать в продовольственный магазин продавцом, это очень удобно нам. Варе уже четырнадцать, закончила восьмой класс. Теперь ведь двенадцать лет учатся, не так, как в наше время. Умница, учится хорошо, почти как ты когда-то. Хочет пойти в педагогический институт в Казани. Что ей тут сидеть? Мы с Валюшей ее вытянем, дадим доучиться.

– А в Москву не хочет податься?

– О Москве не думает. Мы там не сможем ее поддерживать. Тут что, Казань, вот она, рядом. На субботу и воскресенье можно домой поехать, отъестся на домашних харчах. Да можно и из дому ездить учиться. Ведь рядом. А в Москве – то ли дадут общежитие, то ли нет. А снимать там жилье, сама знаешь, что стоит.

– Да, одной в Москве не продержаться. Я вон сколько лет пробивалась.

– Но ты у нас сильная, настойчивая. Только что ты матери-то не пишешь ничего? Она не жалуется, но я-то вижу.

– Пока этот там живет, я туда ни ногой. И писать не хочется.

– Очень уж ты обидчивая.

– Какая есть. Да и вспоминать не хочется. Давай о другом лучше. Я хотела у тебя недельку пожить. На Волгу сходить.

– Вот Валюша обрадуется.

– А что, у нее сейчас кто-то есть?

– Есть один, встречаются. Но он почти моего возраста, так что это, на мой взгляд, не серьезно.

– Ну, лишь бы человек был хороший.

– Да вроде ничего. Тихий, непьющий, слава богу, на железной дороге работает, но со здоровьем не все в порядке. Да бог с ними. Им виднее, я в Валюшины дела уже не встречаю.

После чая разместились в предоставленной комнате и умылась с дороги. Евдокия Семёновна все предлагала меня накормить, но я отказывалась, ждала Валу и Варю. С Валею я встречалась, когда приезжала в сад к тете Дусе, но тогда ей было чуть больше десяти лет. Как давно это было. Когда они пришли наконец, я, даже прежде чем поздороваться с Валею, взглянула на Варю. Собственно, именно это было целью моего приезда «почти на родину». Хотела понять, стоит ли пытаться перетащить Варю в Москву. Ничем не примечательная, в четырнадцать лет могла бы уже быть более привлекательной. Мне даже стало стыдно, что рассматриваю ее почти как товар. Сама-то какая была в четырнадцать лет?

С Валею мы расцеловались. Автоматически отмечала детали ее внешнего вида: немного полновата для тридцати пяти лет, кожа на лице огрубевшая, видно, что не пользуется кремами, руки сильные, пожатие ощущается. И, вообще, уверенная в себе провинциальная продавщица, по местным понятиям – часть элиты. А Варя в это время рассматривала меня, затаившись в уголке.

– Ну, что ж ты не подойдешь, не расцелуешь тетю?

Подошла ко мне, но не осмелилась поцеловать, только протянула руку. Я сама обняла ее, шепнула на ушко:

– Совсем большая. И красивая. Нужно тебя одеть немного по-другому.

Чуть отстранилась, зарделась, но посмотрела на меня с надеждой и благодарностью.

– Прямо невеста она у вас.

И запнулась. Вспомнила, что почти так же говорил отчим. И мне тогда было тоже четырнадцать лет. Совсем неуместное воспоминание. Зачем ворошить все? После ужина пошли в

сад, вспоминала то, что здесь было двадцать пять лет назад, и ничего не могла узнать. На следующий день пошли с Варей на Волгу, это рядом, метров семьдесят – сто. Это не Волга, а заливчик Куйбышевского водохранилища. Когда-то дома были и ниже, ближе к Волге, но потом, перед заполнением водохранилища, все снесли, построили дома повыше.

Варя отвела меня чуть подальше, к группе деревьев, и мы расположились в их тени. Она разделась, осталась в купальнике, и я невольно снова стала оценивать ее. Купальник ни к черту. Старенький, маленький для нее, все вылезает. Не следит за собой, четырнадцать лет, а уже имеются кое-где излишки. Мама и бабушка перекармливают. Ничего, это пройдет, когда появится интерес к мальчикам. А так фигура приличная, ноги стройные, не то что у меня. В кого я пошла? Да, можно будет пытаться увлечь ее в Москву.

Я пробыла неделю, мы съездили с Варей в Казань, и я купила ей два платья и новый купальник. У нее глаза даже загорелись, когда она увидела себя в зеркале. Хорошо, значит, не равнодушна к себе. Воспользовалась моментом и рассказала чуть-чуть о Москве. Хотелось пробудить в ней интерес к другой жизни.

А когда вернулись домой, неожиданно увидела маму. Я даже остановилась, увидев ее, а она бросилась ко мне, расплакалась. Кто ее привез? Наверное, я совсем нечувствительная. Или такая злопамятная? У меня глаза совершенно сухие. Я ее не виню, не за что. Но все останется по-старому. Мы посидели вдвоем, рассказали о своей жизни. Впрочем, что она могла мне рассказать? О своей жизни на пенсии, о соседях. Слава богу, хоть об отчине ни слова. Я бы не выдержала и нагрубила. Я тоже рассказала о себе, спросила, нужны ли деньги. Нет, пенсии хватает. Все. О чем еще говорить? В тот же день она уехала домой. Ее отвез приятель Вали на своем стареньком москвиче.

А на следующий день я тоже, неожиданно даже для себя, собралась и уехала.

Глава 5. Время разрывать

1989–1994 гг.

По возвращении в Москву сразу окунулась в дела редакции. Что-то Тихон Сергеевич все больше отдаляется от конкретных редакционных дел. Оставил за собой только взаимоотношения с начальством издательства и финансовые дела. Все остальное сбросил на меня, объемы работ увеличились, а свалить на других редакторов почти не удастся. Растеряли мы кадры. Раньше авторы практически не знали о существовании нашей редакции. Но после выхода книг Жоры и Саманты авторы к нам повалили. Самые разные, но в основном – молодежь. Ладно бы выпускники гуманитарных вузов. Те хоть имеют представление о грамматике и синтаксисе. Но технарям, а иногда и совсем необразованным лицам тоже хочется видеть свое имя на обложке книги. Глядя на них на всех, и мне захотелось писать. Вытащила на свет божий свою рукопись с детективным рассказом, почитала... и отложила снова в стол. Времени совсем нет.

Мы уже можем выбирать, что печатать, а что возвращать авторам. Жора на время притих, говорит, что пишет серьезную книгу. А Саманта быстро сварганил новый текст и принес мне. Удивилась, глядя на него. Вроде одет по-мужски, разве что рубашка шелковая и цветная, но ведет себя странно. Развязный, бедрами виляет. Неужели нашел дружка? Не стала ничего говорить о его внешнем виде. Что я, мама, что ли ему?

Но, проглядев по диагонали рукопись, ужаснулась. Полное повторение первого романа. Нет, конечно, имена другие, да и город не Пенза, а Борисоглебск. Но девушка страдает точно так же, как и в «Окошке счастья». И почти теми же словами написано о том, как она мечтает о рыцаре на белом коне. Приезжает в город не бизнесмен, а дипломат, к своей старенькой бабушке. И увозит не в Париж, а в Нью-Йорк. А дальше почти все то же самое. Я ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.